

Владимир Тормышов

СТУПЕНИ НА ПЕСКЕ

Владимир Тормышов

Ступени на песке

«Издательские решения»

Тормышов В.

Ступени на песке / В. Тормышов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969257-3

Перед вами повесть о дедовщине, что была и есть в армии, военных и мореходных училищах. Действие книги происходит в начале восьмидесятых в мореходке. Молодой курсант хочет получить профессию моряка, чтобы повидать мир. Всё бы ничего, но нравы того мореходного училища, куда попадает главный герой, сломали не одну молодую жизнь. Прошло почти сорок лет с событий, описанных в книге, но те, кто издевался над первокурсниками, до сих пор громче всех кричат, что такого не было. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969257-3

© Тормышов В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	22
Глава пятая	29
Глава шестая	31
Глава седьмая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ступени на песке

Владимир Тормышов

© Владимир Тормышов, 2019

ISBN 978-5-4496-9257-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

О книге. Рано или поздно любой человек задает себе вопрос: – в чем смысл жизни? И каждый решает для себя это сам. В книге описаны будни мореходки начала 80-х годов в СССР. Дедовщина, унижения, выживание в экстремальных условиях. Всем и каждому из тех учился в мореходке посвящается.

Предисловие

Счастье – это состояние когда ты спокоен и ничего не происходит. Но ты не осознаешь, что именно тогда ты и счастлив. Счастье – это просто отсутствие несчастья.

То, что написано в этой повести, есть правда, и только правда. Я ничего не выдумал и ничего не скрыл. Память, правда, иногда ярче выхватывает одни события и скрывает другие, иногда ярко вспоминаешь то или иное событие, то или иное лицо, однако, не помнишь всего точно, иногда фамилии действующих лиц ускользают из памяти. Поэтому я заранее прошу извинить читателя за возможные небольшие огрехи и за некоторый субъективизм.

Конечно, то, что написано, может не понравиться очень многим офицерам армии, преподавателям и работникам мореходных училищ и военных заведений, но что сделаешь – такова жизнь. Правда редко кому нравится.

Когда я разговариваю с военными о порядках, существующих в нашей армии, то я вижу, что они искренне уверены, что то, о чем я говорю, существует только лишь в моем прошлом, а не в тех частях, где они служили. И им не нравится то, что я говорю потому, что они просто живут в другом мире, мире своей ИЛЛЮЗИИ. Когда я говорю о суровой действительности жизни с командным составом мореходных училищ, они свято убеждены, что у них такого нет. Я не был ни офицером, ни командиром роты мореходки. Я был по другую сторону строя. Я был солдатом и курсантом. И те, кто был в свое время курсантом и солдатом, согласятся со мной, что то, что я пишу, – БЫЛО! Но каждый живет в своем иллюзорном, придуманном им самим мире, и считает, что именно он прав и по-другому просто и быть не может...

Это было очень давно... Я тогда был курсантом первого курса Каспийского мореходного училища. Я стоял на втором этаже нашего общежития в крошечной темноте с одним парнем из нашей роты. Всю нашу роту, в которой было четыре группы первокурсников, в тот день, как и в предыдущие, старшекурсники «запахали» – заставили работать на себя как рабов, а нам двоим из ста тридцати курсантов-первокурсников, удалось хитро избежать той печальной участи. Мы стояли в темноте и думали только лишь о том, чтобы нас не нашли...

И вот тогда в мою голову пришла крамольная мысль, что про то, что со всеми нами происходит, не знает ни один человек вне стен училища. Не знает начальство училища, не знает и ничего не может изменить.

Мы, первокурсники, вели тогда очень странную со стороны: бедную, несчастную, забитую жизнь, и у всех нас до единого было только лишь одно желание – убежать куда-нибудь, забиться в угол и забыться тяжелым сном, чтобы хотя бы как-нибудь выспаться. Помимо учебы мы вынуждены были работать вместо третьего и четвертого курса: убирать, мыть полы, стирать за них чертить за старшекурсников, переписывать им конспекты, чертить им чертежи... Словом делать вообще всё за 3 и 4 курс.

Сказать, что это было несправедливо, значит, ничего не сказать, мы пахали как лошади круглые сутки. Жутко не высыпались и сильно уставали. У первого курса не было вообще свободного времени, чтобы просто посидеть и ничего не делать.

ШЕЛ ОДНА ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ГОД.

И вот тогда я понял, что никому в целом мире до нас нет никакого дела. И тогда, стоя в темноте, я решил, что рано или поздно я напишу книгу, про все то, что было с нами. И что это, может быть, хотя бы как-то сможет изменить жизнь курсантов в лучшую сторону.

Мы стояли на втором этаже нашего общежития, который был отдан под хозяйственную часть. Спина моя покрылась крупными мурашками, и я почувствовал на себе дыхание вечности и каким-то шестым чувством понял, что буду это помнить ВЕЧНО...

– В прошлом году поступил к нам в училище один парень с Дагестана, аварец, – подал голос Серега, курсант-судоводитель с нашей роты, с которым я вместе прятался.

– Так вот он, этот самый аварец никому не давал себя заставлять работать, «запахивать» себя. Все время говорил: «Дагестан не подчиняем». Его били каждый божий день и третьекурсники, и четверокурсники смертным боем, почти постоянно. Он весь синий ходил, а все равно отказывался пахать, работать на них. Месяц он выдержал, а потом написал рапорт об увольнении, и уехал в свой Дагестан. Потом приезжали какие-то ребята с Махачкалы мстить за него, так их около стен училища так отделили ремнями, что потом всех их увезли на «скорой помощи» без сознания с проломленными головами.

– А что начальство? Неужели ничего не знает? – спросил я этого двухметрового бывшего боксера, который на гражданке, до поступления в училище, никогда и никого не боялся.

– Ты что совсем идиот? Кто им скажет? «Козлов», которые стучат начальству, у нас нет, – ответил он мне шепотом. – Да и начальству все равно, что с нами происходит.

– Слушай, а откуда ты все это знаешь? – спросил я этого доброго малого, от которого доброта так и лучилась.

– Да ты знаешь, я после сдачи вступительных экзаменов не поехал домой в Днепрпетровск, а остался тут. Не было денег, потому и остался. Дурак, наверное. Дали мне старую робу, а за питание и крышу над головой целый месяц пахал как папа Карло, ремонтируя эту общагу. Спал по два-три часа в день и мечтал как дурак о море.

– Сейчас не жалеешь, что поступил сюда учиться? – спросил я его.

– Если честно, то жалею, – вздохнул мой товарищ по несчастью, – знал бы, что тут такие порядки, никогда не поступил бы. Но если мы хотим УВИДЕТЬ МОРЕ, и закончить это богом проклятое училище – мы должны стиснуть зубы и терпеть. Тяжело только первый год, когда тебя все заставляют работать, как ишака, на себя. Второкурсников уже никто не трогает, и работают они только лишь на себя. А когда придет третий курс, то тут уж ты имеешь полное право запахивать молодых сам, когда захочешь, и зачем тебе только заблагорассудится. Вот тогда я и отыграюсь на молодых...

Посвящается тем, кто прошел «бурсу» и остался человеком.

Глава первая

Эта история началась для меня очень давно. Мне тогда было шесть или семь лет, и у моей матери была подруга, которая была влюблена в одного капитана дальнего плавания. Эта женщина приносила к нам домой фотографии этого бравого моряка и рассказывала, где он бывал и что видел.

И эти рассказы для меня, тогдашнего, ходившего в детский сад, и которому детский сад казался целым БОЛЬШИМ МИРОМ со своими страстями, радостями и желаниями, казались сказками. Волнующими волшебными сказками о каком-то немыслимо красивом сказочном мире, связанном с МОРЕМ. И именно море давало пропуск в этот сказочный мир.

Так началось мое увлечение морем. Через некоторое время я им просто «заболел, хотя ни разу в жизни не видел его. Примерно после седьмого класса я послал во многие мореходные училища запросы, чтобы они мне выслали программу обучения и условия приема для поступления в училище. Через некоторое время я получил ответы оттуда.

Внимание мое привлекло тогда Каспийское мореходное училище, что находилось в Астрахани по адресу, который мне почему-то внушал доверие: Балтийский переулок, 1.

Если говорить до конца честно, то я ни разу до этого не сдавал в жизни вступительные экзамены и подсознательно чувствовал в себе некоторый страх перед этой процедурой, а в КМУ принимали окончивших восьмые классы без троек, без экзаменов. Это решило все и предопределило мой выбор.

Правда, после седьмого класса тройки у меня были, и пятерок было не пятьдесят процентов, как требовалось при поступлении без экзаменов. Но в восьмом классе я «уперся рогом» и стал учиться не за страх, а за совесть. Закрутился как белка в колесе, и стал не хуже чем все.

Вдруг открылось во мне бездна незнакомых новых сил, я стал наверстывать упущенное, оказалось, что очень многого я тогда не понимал в школьной программе. Наверстывать приходилось самостоятельно по учебникам, а это было ох как тяжело. Но с течением времени я знал весь материал по школьным предметам не хуже, а может быть и лучше любого отличника. В тот год, на каких только олимпиадах я не побывал. Нигде, правда, ничего не выиграл, но участвовал, что для меня тогда было большим достижением. И самое главное я не заучивал материал, а научился его ПОНИМАТЬ.

Единственное, что меня огорчало в то время так это консервативное мышление учителей, которые при одинаковых ответах моих и признанных отличников мне чаще ставили четверки, а им пятерки. Умом я их понимал, – семь лет я учился, середина на половину, звезд с неба не хватал, но и двойки редко получал. И тут сразу вдруг с места в карьер: ученик начинает на глазах умнеть. Не всем это нравилось, и, видимо, срабатывал определенный стереотип, который закрепился за середнячками-хорошистами, к числу которых я и принадлежал долгое время.

Но как бы там ни было, восьмой класс я закончил с тремя четверками, остальные были только отличные оценки. И надеялся, что смогу пройти по конкурсу и поступить в мореходное училище.

С этими мыслями я и пришел к директору своей школы забирать аттестат об окончании восьмого класса.

Не знаю, как сейчас обстоят дела в средней школе, но тогда, в то дремучее время, когда начиналась моя юность, в моей школе собирались из двух восьмых классов создать один девятый, в котором учились бы лишь те, кто хотя бы что-то понимал и хотел учиться, а двоечников и троечников собирались из школы убрать, чтобы эти ребята шли в ПТУ и учились рабочим профессиям. Мама толпами ходила к директору и умоляла оставить свое неразумное

чадо в школе в девятом классе, чтобы ребенок мог по окончании школы поступить в институт и по окончании института не пойти в армию, ну и вообще потом «стать человеком».

Лишь я один во всей школе был неисправимый романтик, которого влекло море. И пришел сам забирать документы из школы, в то время как все остальные стремились в ней остаться.

Директор с удивлением посмотрел на меня, и вызвал мою классную руководительницу – Татьяну Ивановну, учительницу математики.

Я сидел в его кабинете, смотрел на этого умного и строгого мужчину, которого все боялись и уважали в школе. Ему было лет тридцать пять. Роста он был довольно высокого и крепкого телосложения. У него были чистые белокурые волосы и пышные усы, которым завидовала вся мужская половина школы. Во всем его облике чувствовалась какая-то сила и властность, но вместе с этим от него веяло каким-то неуловимым ароматом интеллигентности. Я никогда не видел близко его глаза, а сейчас я сидел напротив него и с интересом рассматривал его умные пронизательные глаза и проникался уважением к этому взрослому человеку.

Наконец пришла моя классная руководительница, и, меня попросили подождать в коридоре. Через некоторое время учительница вышла, и меня пригласили в кабинет к директору. Он предложил мне сесть и долго молча с интересом, смотрел на меня. Я не знаю, что он думал в это время, но смутить этим меня он не смог.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я был очень скромным ребенком и всегда, когда шел по городу, смотрел себе под ноги и никогда – на лица проходящих мимо людей. Но примерно в это время в моем сознании наступил какой-то перелом и однажды, когда я шел за своим братом в детсад, я стал рассматривать прохожих и смотреть, прежде всего, в их глаза. И тут выяснилась одна очень интересная вещь, которая тогда поразила меня до глубины души – все прохожие, и мужчины, и женщины, не выдерживали моего взгляда и либо отворачивались, либо опускали глаза вниз. Тогда я сделал для себя вывод, что эти люди не выдерживают взгляда потому, что у них была нечиста совесть. Я и подумать тогда не мог, что все эти люди были просто-напросто рабами. Рабами в душе. И в них глубоко сидела рабская привычка на всякий случай прятать глаза.

Намного позже, я узнал, что у приматов прямой взгляд в глаза означает прямой вызов, угрозу. Человек по сути одна из разновидностей обезьян, хотя и считает себя верхом творения. И любой человек подсознательно избегает смотреть прямо в глаза незнакомых людей.

И я выдержал долгий директорский взгляд, а он моего выдержать не смог, и отвел глаза в сторону.

– Ладно, – сказал он мне, – если ты так настаиваешь – я отдам тебе аттестат. Я просто не имею права тебе его не отдать, но сначала объясни мне, – зачем тебе нужно портить себе жизнь в таком молодом возрасте.

– Я не собираюсь портить себе жизнь, – сказал я, не понимая, что директор имеет в виду. – Я хочу поступить в мореходное училище, чтобы стать капитаном дальнего плавания и плавать в дальние страны.

– И ты думаешь, что ты выдержишь? – спросил меня директор, и глаза его наполнились невыразимой грустью. – Ты думаешь, что там, в этом твоём мореходном училище, все так хорошо и просто? Ты просто представить себе не можешь, какая там клоака и мерзость.

– Я думаю, что я справлюсь, – твердо сказал я, уверенный, что все слова директора не имеют под собой никакого основания и направлены лишь на то, чтобы удержать меня в школе.

– Боже мой, да ты просто не понимаешь, мальчик, что тебя ожидает, – голос моего собеседника был пропитан каким-то непонятным, пугающим сочувствием. – Да ты сбежишь оттуда, не пройдет и полгода. А потом будешь сидеть вот на этом же самом стуле, и плакать горячими слезами, умоляя меня взять тебя обратно в школу.

Это было уже слишком для меня. Он меня просто-таки достал своей добротой, и я, стараясь казаться как можно более взрослым и независимым, сказал голосом, уверенного в своей правоте идиота-фанатика:

– Не приду. Отдайте мне мой аттестат.

Директор посмотрел на меня с видимым сожалением, покачал головой и отдал мне аттестат об окончании мной восьми классов средней школы №29 г. Липецка. – Мой мальчик, боюсь, что ты не один раз вспомнишь этот наш разговор, – сказал он и пожал мне руку. – Впрочем, тебе жить.

Глава вторая

Директор оказался прав: впоследствии я не единожды вспоминал этот разговор, но я твердо решил ни при каких условиях не приходить в эту школу и тем более, не просить его ни о чем.

Нужно сказать, что за полгода до этого разговора, я пошел в поликлинику проходить мед. комиссию где и выяснилось, что со зрением у меня, мягко говоря, проблемы.

Зрение в одном глазе было 0,6, а в другом 0,8, что, как я понимал, ставило большой и жирный крест на моей будущей профессии капитана дальнего плавания. Но моя мать умудрилась каким-то непостижимым образом попасть со мной на прием к какому-то профессору-окулисту, и тот посоветовал мне делать определенные упражнения для глаз.

Упражнения были довольно просты. Нужно было в течение пяти секунд смотреть на бумажный кружочек пяти миллиметров в диаметре, а затем переводить взгляд на какой-нибудь объект, который находился вдали и рассматривать его секунд пять. По длительности это должно было длиться минут пять. Делал я их два раза в день и стал замечать, что зрение мое постепенно улучшается.

Кроме того, я выучил наизусть третий ряд снизу таблицы для проверки зрения, по которой в основном и проверяли нормальное зрение, и мог в ней хорошо ориентироваться по памяти даже с закрытыми глазами, поэтому, когда я пошел летом второй раз на медкомиссию, то я по памяти отгарабил четко без запинок все эти буквы: НКИБМШЫБ, и хотя я их четко не видел, врач написал мне: «годен, стопроцентное зрение».

И я со спокойной совестью послал мои документы в Астрахань в КМУ. Через некоторое время пришел вызов на собеседование, по результатам которого меня должны были зачислить в училище на обучение по специальности штурман-судоводитель.

На семейном совете было решено, что со мной поедет в Астрахань мой дядька, подполковник в отставке.

В конце июля мы собрали вещи и отправились в путь. До этого момента я был совершенно домашний ребенок, который редко куда-то выезжал, что касается этой поездки, то подробности ее я помню плохо. Все было словно в розовом тумане моих фантазий и грез о дальних странах и путешествиях. Ехали мы сутки и приехали около пяти часов вечера в Астрахань.

Около семи вечера мы оказались недалеко от училища, и оставалось только лишь его найти. А вот это оказалось достаточно большой проблемой. Прохожие посылали нас в разные стороны, и мы часа полтора кружились около училища и никак не могли его найти. Смеркалось, и мы уже стали беспокоиться, когда наконец-то вышли к КПП училища и объяснили дневальному кто мы такие и чего мы хотим. Он нас внимательно выслушал, вызвал по телефону дежурного по училищу офицера, и тот помог нам расположиться на ночлег в большом спортзале, где стояли койки, и сидело и лежало много абитуриентов.

В спортзале царил непринужденная атмосфера коммуны случайных людей, объединенных общей целью. Там было около двухсот человек, которые непрерывно о чем-то говорили, что-то читали, и вели себя очень непринужденно и свободно. Так мне тогда показалось.

На самом деле если поселить двести человек в одном помещении, то это будет хаос. Просто неорганизованный хаос, именуемый жизнью.

Около десяти часов объявили отбой и все с явно видимой неохотой улеглись спать, но разговоры в полголоса еще долго не прекращались. Говорили о море, о кораблях, об экзаменах, о девушках, оставленных дома и еще много о чем. Прошло часа два после отбоя, прежде чем я смог уснуть вполне счастливый и довольный собой и жизнью. Все было прекрасно, жизнь манила сияющими горизонтами в будущем. И будущее было прекрасно.

Неожиданно среди ночи меня разбудили.

- Хочешь арбуз? – спросил меня незнакомый парень.
- Что? – переспросил я спросонок, не понимая, чего от меня хотят.
- Хочешь арбуз?

Я, наконец, открыл глаза и смог более или менее сфокусировать свое далеко не идеальное зрение на говорившем курсанте. Им оказался молодой пятнадцатилетний парень, одетый в зеленые штаны и желтую куртку, среднего роста с белыми вихрастыми волосами, торчавшими во все стороны. Он смотрел на меня и довольно улыбался.

– Эй, абитура! – неожиданно закричал он. – Налетай, – подешевело было рубль, а стало два! Вставайте, сони, арбузы пришли!

– У меня денег нет. – Сказал я ему.

Со всех сторон вставали сонные вчерашние школьники и как были в трусах шли к нам. Некоторые недовольно ворчали и просили вести себя потише.

– Ты что, с дуба упал? – спросил меня вихрастый добытчик арбузов. – У нас – коммунизм. Все – бесплатно. Хочешь, – ешь, не хочешь, не ешь. При чем тут какие-то глупые деньги?

На полу около входа в спортзал лежал целый мешок арбузов.

– У тебя ножик есть? – спросил меня длинный как жердь заспанный грузин, имевший на верхней губе небольшие усики, несмотря на свои пятнадцать лет.

– Есть, а что? – спросил я, ошалевший от всего происходившего вокруг.

– Доставай, дорогой, сейчас арбуз кушать будем. – Привел меня в чувство длинный житель гор.

Арбузы пошли на «ура». Мешок, в котором на Черноземье носят картошку, вмещающий пять ведер, полный арбузов мы съели минут за десять.

До этого я редко ел арбузы. Мать одна воспитывала меня и младшего брата, денег постоянно не хватало, а арбузы в нашей семье считались деликатесом, поэтому я ел его считанное количество раз. Но тогда, находясь в темном спортзале мореходки, я был так безмерно счастлив, я быстро съел арбуз, практически не почувствовав его вкус, и побыстрее улегся спать, чтобы окунуться в мир моих снов и фантазий.

Пробуждение утром мне очень не понравилось...

Какой-то парень прямо у меня над ухом, что было сил, проорал:

– Абитура! Подъем!

Вставать категорически не хотелось, но со всех сторон я слышал, как ребята, ворча потихоньку ругаясь, поднимаются и одеваются. Быть белой вороной мне не хотелось, поэтому нехотя пришлось вставать. Было семь часов утра. Хотелось спать, как медведю бороться. Я оделся, умылся.

Всех нас построили вместе и стали выкрикивать фамилии. Моей фамилии там не оказалось. Я и еще несколько вновь прибывших подошли к дежурному по части и записались. После утренней проверки всех заставили работать. Лично мне пришлось подметать плац. Я искренне не понимал, почему я должен его мести, но скрепя сердце, подчинился.

Когда мы закончили работу, я вместе со своим дядей пошел к командованию училища на собеседование. Я не помню, как проходило собеседование, и о чем мы там говорили. Все было как в густом белом тумане. Было светло, какой-то яркий свет, казалось, окутывал меня со всех сторон, и было совершенно ничего не видно.

Это было какое-то странное ощущение счастья, которого не осознаешь.

Когда я вышел из кабинета, где происходило собеседование, я как-то вдруг осознал, что мне сказали. Мне нужно было ЕЩЕ РАЗ ПРОЙТИ МЕДКОМИССИЮ. Таков был порядок.

ХОТЯ Я ПОМНИЛ эти чертовы буквы в третьем ряду таблицы для проверки зрения снизу очень хорошо: – НКИБМШЫБ. Но зрение-то мое было не идеальным, и я это сам осознавал лучше любого окулиста. Поэтому медкомиссия была, мягко говоря, крайне некстати, что меня сильно напрягло.

Но делать было нечего, и я пошел проходить медкомиссию. Всех врачей я прошел достаточно быстро, все дружно написали: «Годеи».

И вот настала очередь окулиста.

Я вошел в кабинет, стараясь держаться как можно более независимо и спокойно. И весь внутренне похолодел, когда врач – седой пожилой мужчина лет пятидесяти низкого роста и круглый, как колобок, начал проверку моего зрения с самого верха и двигался, вниз опускаясь только на одну строчку вниз. Боже, как я его тогда ненавидел!

Всю таблицу для проверки зрения наизусть я не знал, и это было моей большой ошибкой.

Конечно же, он написал, какое зрение было у меня на самом деле. По сравнению с весной мои упражнения все же дали кое-какие результаты: один глаз был 0.8., а другой 0.9., но, тем не менее, этого было недостаточно, чтобы я мог поступить учиться на штурмана. Мечты мои рухнули, как прогнившее дерево после бури.

Сказать, что я был опечален, значит, ничего не сказать. Я был разбит, уничтожен, раздавлен в лепешку несправедливостью жизни. Жизнь как-то вдруг потускнела и наполнилась темными красками.

Отчаяние захлестнуло меня. И то странное ощущение счастья, что было у меня с момента приезда в Астрахань, сменилось тупым и черным безразличием и горечью разочарования.

Когда я пришел в приемную комиссию училища, я был уверен, что мне отдадут мои документы и придется мне ехать домой. Но мне предложили сдать вступительные экзамены для поступления в училище на судомеханика. Это было, конечно же, не то, о чем я мечтал, но возвращаться в школу к самоуверенному директору мне не хотелось категорически. Поэтому я согласился, хотя никаких учебников у меня с собой не было.

Боле того, я совершенно не был готов к экзаменам.

Среди абитуриентов мне удалось познакомиться с одним чеченцем, который поступал также на судомеханика. Мой дядя и его отец быстро нашли общий язык и множество точек соприкосновения, и мы стали вместе с ним готовиться к экзаменам по его учебникам.

Багаж знаний этого высокого красивого шестнадцатилетнего парня был намного скромнее, чем мой, поэтому я время от времени консультировал его по некоторым вопросам. Так проходило время. Через какое-то время к нам присоединился еще один парень из Краснодарского края. Он был бывший борец среднего роста и достаточно коренастый для своих пятнадцати лет. Со временем я стал объяснять им обоим школьный материал, и мы повсюду стали ходить втроем, а если мы были в городе, то к нам присоединялись их отцы и мой дядя.

Шел август месяц. Было тепло, и хотя впереди маячили вступительные экзамены, настроение было приподнятым. Каждый день вечером мы садились на берегу Волги, смотрели на реку и на отражающиеся в ней звезды, которые манили и притягивали к себе. Мы сидели на берегу Волги и грезил о море. Душа наполнялась невыразимым блаженством и счастьем. Все мы ТОГДА были неисправимыми романтиками, которых жизнь еще не успела обломать. Как бы там ни было, но все экзамены я единственный из всего потока абитуриентов сдал на пятерки. Так я поступил в Каспийское мореходное училище учиться на судомеханика. И в начале августа я уехал домой.

Глава третья

В училище я приехал к 1 сентября. Спать всех поступивших в мореходку положили в столовой. Поставили койки, дали матрасы, подушки, белье, провели вечернюю проверку, и мы легли спать.

Отбой был в десять часов вечера. Я лег спать и сразу же уснул. Было такое ощущение, что мечты начинали сбываться. Какое-то чувство новизны, смешанной с романтикой не покидало всех.

Часов в одиннадцать кто-то громко закричал:

– Рота-а-а-а! Строиться! Быстро! Подъем!

Все только успели нормально уснуть. Вставать не хотелось, но делать было нечего, – в чужую мореходку со своим уставом не ходят.

Когда мы встали, оделись, и построились, как сумели, мы увидели в стельку пьяного парня лет двадцати двух. На нем кроме плавок и тельняшки ничего не было.

– Рота! Смирно! – Проорал он.

– Да пошел ты... – сказал кто-то из стоявших в строю.

– Что? Кто тут свою вонючую пасть раззявил? А? А ну быстро шаг вперед? – не унимался парень в тельняшке.

– Что все молчите, суки? Очко играет? Тогда не вякайте! – продолжал разоряться он. – Равняйся! Смирно! Подонки... Да если вы хотели знать я уже десять лет как на флоте. Я старый мореман. У меня вся задница ракушками обросла. Я уже на Каспий ходил рыбу ловить, когда вы еще под стол ходили. Так, мне тут некогда вас учить жизни. Вопрос по существу – тушенка, сгущенка есть у кого?

Конечно, у кого-то что-то было, но отдавать этому пропитому малому то, что родная мама дала тебе в виде гостинца на черный день, не хотелось никому.

Это было начало восьмидесятых. Тогда ни сгущенки, ни тушенки в магазинах вообще не наблюдалось. Дефицит. Было такое впечатление, что многих продуктов не было и в помине. Кроме соленых зеленых помидоров, желтых огурцов в банках и хлеба. Нет, иногда попадались молочные продукты, но это если очень повезет.

Поэтому, конечно, ребята сочли за лучшее промолчать. Тише едешь – дальше будешь. Молчание – золото.

– Что молчите, суки, как воды в рот набрали? Что запахло угостить голодного старшину второй статьи Военно-морского флота СССР?

– Молчите, значит. Ну ладно – молчите, молчите. Тогда так – быстро все разбежались и построились через сорок секунд со своими вещами.

– Быстро! – опять заорал «мореман».

– Сейчас шмон будет делать, – сказал кто-то со мной рядом.

Когда я брал свои вещи, я услышал, как кто-то шепотом сказал:

– Ребята, нас же больше ста человек. Давайте ему морду набьем! Что он выёбывается?

В столовую в это время вошел еще один парень в тельняшке и в джинсах. Видимо, и тот и другой в свое время учились в мореходке и только недавно ее закончили. Поэтому чувствовали себя богами, или почти богами. Так нам казалось. И, наверно, искренне считали, что вправе распоряжаться нами как хотят.

Вошедший увидел того парня, кто нас разбудил, и спросил его:

– Что, Витюха, абитуру строишь?

– Да, приходится, – нехотя отвечал пьяный Витюха, – совсем, суки, оборзели старших не уважают! Рота, стройся!

Мы уже построились, и стояли около своих вещей. Я стоял в первом ряду и где-то сзади услышал всё тот же шепот:

– Что вы смотрите на них? Давайте побьем их, нас же больше. Чего вы боитесь?

– Кто это там вякает в строю? – произнес пришедший бывший курсант.

– Вы не имеете права нам приказывать! – Услышал я где-то на правом фланге строя. Это говорил один из вновь поступивших в мореходку, что стояли сейчас со мной в одном строю ребят.

– Чего? – Не понял «мореман».

– Вы не имеете права нам приказывать! – Продолжал стоять на своём невидимый нами смельчак.

Я стоял на левом фланге строя, поэтому я не совсем понял, что произошло, вернее просто не заметил, однако, через какое-то мгновение я видел, как перед строем двое бывших курсантов, что разбудили нас среди ночи, бьют того, кто возмущался ногами. Делали они это с таким ожесточением, что я испугался за его здоровье.

Почему мы всей толпой не кинулись защищать избиваемого парня, я сейчас, по прошествии стольких лет ума не приложу. Но не кинулись. Может, не рискнули. Может, побоялись. Может, не хотели неприятностей с начальством, боясь, что нас могут исключить из мореходки.

Как бы там не было, но мы как сто тридцать баранов стояли в каком-то тупом оцепенении, и ничего не делали. Все были в шоке.

Какое-то тупое оцепенение сковало меня, и я не мог понять, как такое могло быть в принципе, что ни за что человека можно жестоко избивать.

В мое понятие справедливости это никак не вписывалось.

Били выпускники несчастного смельчака недолго – минут десять. Потом они перестали несчастного первокурсника пинать, – выдохлись и устали.

Тот лежал в луже крови. Растерзанный и побитый. Одежда на нем была разодрана в клочья, и парень был явно без сознания.

В это время весь строй стоял, и молча смотрел на эту жестокую экзекуцию. Все молчали. Было страшно и жутко. Выпускники КМУ его били ни за что, просто так. Потому, что им этого хотелось. Самое ужасное было то, что они получали от этого удовольствие. Этого они даже и не скрывали.

Потом эти бывшие курсанты обыскали несколько сумок, чемоданов и рюкзаков. Нашли, собственно то, что искали, дали владельцам вожденной сгущенки по морде для острастки и удалились отдыхать.

Было что-то пугающее и жуткое в этой экзекуции. Это словно на тебя наехал большой, тяжелый танк, а ты в это время беспомощный и ни на что не способный не можешь ничего тому танку сделать. Ибо танк большой, железный и с пушкой. А ты мелкий и безоружный. Самое ужасное, что танк наехал на тебя не на войне, а просто так, потому, что ему захотелось сгущенки. Может ведь танку хотеться сгущенки, в конце концов.

После подъема тот парень, кого избивали перед строем ночью, пошел и написал заявление на увольнение из училища. Потом собрал свои вещи и уехал домой. Его голубая мечта по имени «МОРЕ» рухнула в один несчастный вечер 1 сентября, так и не успев начаться.

Часто наши мечты рушатся сами собой. Иногда приходят разные подонки, танки, и разрушают мечты людей. И это называется – жизнь.

После завтрака нас сразу же отправили на автобусах в колхоз собирать арбузы. В традиции училища было каждый год отправлять молодых первокурсников на сбор урожая.

Хотя во всех цивилизованных странах сбором своего урожая занимаются сами фермеры, но в Советском Союзе колхозники явно манкировали своими трудовыми обязанностями то ли потому, что пили беспробудно, и им было лень работать, то ли по еще какой еще более пугающей и непонятной причине. Но каждый год осенью в колхозы сгоняли студентов, курсантов,

учеников средних школ, да и вообще кого только не сгоняли на поле убирать урожай, включая профессоров и пенсионеров. В СССР была такая странная тенденция по уборке урожая – гнать на лоно природы кого ни придется, чтобы собрать урожай. Причем, что характерно, куда потом девался урожай, всем было непонятно. Но урожай исчезал бесследно, изредка появляясь в магазинах. И за ним, за урожаем, выстраивалась сразу жуткая очередь. Так было в то время везде в СССР, кроме Москвы.

Эти странные свойства урожая, будь он в чистом виде, или в переработанном, как ни странно никого не удивляли. Народ советский быстро привык к героическому сбору урожая каждой осенью, и к такому же нудному и героическому стоянию в очередях за тем же урожаем.

Мы, курсанты-первокурсники, ехали часов шесть по ухабистым российским дорогам и были вполне довольны и счастливы тем обстоятельством, что началось время отсчета нашего обучения. И чем скорее оно, это время, кончится, тем скорее мы сможем увидеть МОРЕ.

Наверно, со стороны постороннего наблюдателя все могло показаться совсем не так, как все происходящее воспринималось нами. Но вот это состояние предчувствия сказки, как ни странно было тогда с нами постоянно.

Всеобщая эйфория царила среди нас. Со стороны мы, видимо, были похожи на стадо восторженных идиотов, вырвавшихся на свободу и думающих, что их мечты вот-вот сбудутся.

Наконец, мы приехали в этот богом забытый колхоз и выгрузились с вещами в лагере среди чистого поля, получили койки с продавленными пружинами, матрасы и постельное белье.

Лагерь из себя представлял архитектурное строение девятого-десятого веков где-то на окраинах Астраханского ханства. Одноэтажные строения из глины с маленькими оконцами были соединены воедино в форме большого квадрата. Эти глиняные мазанки делались примерно так – сначала делался каркас из камыша, и потом все это обмазывалось глиной. В центре этого эпохального сооружения был сделан длинный стол со скамейками, за которым одновременно могли поместиться сто с лишним человек. Сверху гигантского стола был установлен большой навес от дождя. В длинных уродливых строениях, в которых нам предстояло жить, было несколько окон с грязными стеклами. Двери были, но все они имели достаточно жалкий вид, и, похоже, было, что не одно поколение студентов открывало их с пинка.

Когда мы прожили в них некоторое время, выяснилось, что когда дует ветер, то эти строения продуваются насквозь, задерживая, впрочем, снаружи песок и комаров, которых в степи недалеко от Волги было несметное количество.

Кроме нас там еще были студентки из Чарджоуского пединститута, девчонки были с третьего-четвертого курса и были старше каждого из нас лет на пять-шесть, кроме того, все они, как одна, были нерусские. Все это вместе взятое, да плюс еще то обстоятельство, что с ними вместе были их сокурсники, сильно охладило пыл некоторых молодых ловеласов, решивших приударить за девушками. Поэтому жили мы с ними мирно и добрососедских отношений ни одна, ни другая сторона не разрывала, но и не углубляла.

В первый же вечер нас построили и перед всем строем спросили, кто умеет готовить. Я как честный малый вышел вперед и заявил, что умею хорошо жарить картошку. Кроме меня готовить умели еще двое: один парень из Майкопа, Юрка Дубовской, который заявил, что превосходно умеет готовить яичницу, и один азербайджанец из Сумгаита, который признался, что готовил когда-то макароны.

Наш классный руководитель Воронков, который был в нашем лагере главным и производил построение, довольно потер руки и сказал, что поскольку мы единственные из мужчин умеем готовить, то он назначает нас поварами, и мы должны будем готовить для всех курсантов пищу.

– По традициям, которые есть в нашем училище. – Сказал наш классный руководитель, полноватый лысый мужчина сорока лет с глубоко посаженными внутрь глазами – я буду

классным руководителем группы судомехаников М-12. И они могут называть меня классным «папой». Какие есть ко мне вопросы, – задавайте, я отвечу.

Лично мне было как-то не до вопросов, поскольку мои познания в кулинарии были, мягко говоря, очень скромными, а поскольку спорить со старшими я не привык, я думал о том, как же мне все-таки приготовить что-нибудь съедобное для оравы в сто с лишним человек, которые стояли передо мной и с любопытством поглядывали на меня.

– Я не могу быть поваром, – услышал я.

Это подал голос Гасан Гусейнов, второй повар, пятнадцатилетний азербайджанец. У него была характерная внешность представителя гор – кавказца: характерный орлиный нос, черные кучерявые вьющиеся волосы и черные как смоль глаза.

– Что-что? Что ты сказал? – спросил его классный папа, который совсем не казался строгим, а был каким-то домашне-добрым. – Повтори еще раз, что ты сказал.

– Я не буду поваром, – упрямо стоял на своем Гасан.

– Это почему же? – удивился наш лысый начальник.

– Есть две причины: первая – я не умею готовить, а вторая – я просто не хочу, – сказал упрямый кавказец.

– Я тоже не хочу быть поваром, – заявил Юрка Дубовской, который перед этим признался, что умеет готовить яичницу.

– Значит так, товарищи курсанты, – повысил голос наш классный папа, – если вы что-то не умеете, мы вас научим, если не хотите, мы вас заставим. Поняли?

– Да... – неуверенно донеслось из строя.

– А ты что молчишь? – обратился он ко мне с вопросом.

– Я думаю, что я буду готовить такой ораве народа, – честно сказал я.

– Молодец, – похвалил меня наш наставник, – ты настоящий мужчина. Я назначаю тебя шеф-поваром, а этих двоих твоими помощниками.

– Рота! Равняйся! Смирно! – неожиданно крикнул он.

Мы вытянулись по стойке «смирно» насколько каждый из нас, ее понимал.

– Разойдись! – услышали мы. – Вновь назначенным поварам явиться на кухню.

Когда я пришел на кухню там уже был классный руководитель и две девушки-казашки, которые что-то готовили для будущих педагогов. Видя, что вместе с нами будут заниматься приготовлением пищи люди, которые, в отличие от нас, в этом хоть что-то понимают, мы приободрились, и наше будущее немного прояснилось. По крайней мере нам так казалось.

Те три дня, которые студентки были вместе с нами, пища, которую мы готовили, была очень даже съедобной и временами даже вкусной, как ни странно. Нам троим поварам-самоучкам, была объявлена перед строем благодарность, чем мы безмерно гордились.

Но ничто в этой жизни не вечно и студентки в один из солнечно-знойных дней собрали свои манатки и укатали в свое далекое Чарджоу. Мы восприняли их отъезд довольно спокойно, рассудив, что все, что не делается к лучшему, но как показало время, это не всегда так.

Ужин, который мы приготовили самостоятельно, был достаточно прост и незамысловат в приготовлении, но и достаточно несъедобен для молодых пацанов, всю жизнь проживших на маменькиной шее и вкушавших деликатесы домашнего приготовления. Состоял он из трех блюд, причем, самым вкусным блюдом был хлеб. Чай тоже был вроде бы ничего – в этом целиком и полностью заслуга вашего покорного слуги. По крайней мере, его можно было взять в рот и желание выплюнуть его возникало не сразу, а через некоторое время и то не у всех. Собаки, например, его лакали с удовольствием. Третье блюдо, которое не понравилось даже собакам, были макароны. Есть их, почти все, категорически отказались.

Что было несъедобного в казалось бы изначально съедобном блюде, макаронах, – убей зарежь не понимаю. Но есть их по какой-то одному богу известной причине было категорически нельзя.

Мы попробовали скормить часть макарон собакам. Но эти зажавшиеся уродливые твари упрямо отворачивались от нашего угощения. Когда же мы стали предлагать им пищу предназначенную для курсантов более настойчиво, для верности тыкая их мордой в слипшиеся и спаявшиеся в единое целое макароны, они поджимали хвост, и начинали истошно выть и лаять. А когда некоторым собакам удавалось вырваться и избежать принудительного кормления, они отбегали от нас на безопасное расстояние, поднимали морду кверху и начинали с остервенением выть. Так, видимо, они выражали восторг по поводу своего счастливого спасения от смерти путем введения макарон в их неприспособленные желудки.

– Сволочи они, эти местные собаки. – Изрек я после неудачного кормления. – Совсем зажались, суки. Даже макарон не едят. Чего уж тут от курсантов ждать?

– Ничего, привыкнут. – Услышали мы мнение местного аборигена-наркомана с опухшим небритым лицом.

Этот пятидесятилетний низкорослый, кряжистый как дуб, татарин, часто пасся у нас на кухне, готовя себе то чифир, то какую-то гадость из маковой соломки. Татарин относился к числу местных крестьян-колхозников, которые почему-то предпочитали не работать в поле, и не собирать урожай, а поручить это малоприятное занятие молодым курсантам.

Сказанное им относилось то ли к курсантам, то ли к собакам, но нас это необычайно воодушевило и приободрило, и жизнь показалась нам не такой уж плохой штукой.

Начало нашей деятельности на ниве кулинарии было впечатляющим, и мы все дружно думали, что на этом наша поварская карьера завершится. Но мы несколько ошиблись в этом. Единственный, кто съел все, положенное в тарелку, был наш классный «папа» и мы начали серьезно опасаться за его здоровье по мере того, как проходило время.

Мы, трое горе-поваров, сидели, закрывшись на кухне, и обсуждали, что нам делать дальше и что будем готовить на завтра. По мере того как мы думали, у меня возникла мысль сходить на склад и посмотреть, что там есть вообще из пищи и на основании имеющегося составить меню на следующий день.

На складе ничего кроме макарон не было.

Зато макарон было изобилие. Прямо как на макаронной фабрике.

Мы сильно приуныли. Впрочем, наше тусклое настроение несколько улучшило наличие ящика сгущенки и ящика кофе на сгущенном молоке. Поскольку, видя реакцию курсантов и собак, на приготовленную нами пищу, мы ее не осмелились, есть, все мы были голодны, и у кого-то из нас возникла мысль попробовать сгущенное молоко. Мы его попробовали каждый по банке и пришли к выводу, что быть поваром не так уж и плохо.

Пока Юрка Дубовской низкий, нескладный малый, ходил закапывать пустые банки в мусор, к нам пришел начальник лагеря и попросил срывающимся голосом, если это возможно, завтра не готовить больше макарон.

Видимо, наша пища не пришлась ему по вкусу, хотя он в отличие от собак и съел её.

Если до этого мы подозревали его в мазохизме, то после этой просьбы нам с Гасаном стало стыдно.

– Вы, конечно, извините нас. – Сказал я. – Но ничего кроме макарон на складе нет.

– Как? Совсем? – в голосе нашего преподавателя отчетливо слышались нотки ужаса.

– Нет, ну есть, конечно: хлеб, мука, чай, сгущенка, кофе, консервы какие-то, лапша, соль и сахар. – отрапортовал я. – А больше ничего нет.

– Да, дело труба. – Сокрушенно вздохнул наш классный. – Но продукты, я думаю, мы закажем, это не проблема. Другой вопрос что заказывать.

– А заказывайте все, что есть, и побольше – высказался я.

– Что собираетесь готовить на завтрак? – спросил нас «папа».

– Да не знаем, сами вот думаем. – Подал голос Гасан, а затем вдруг неожиданно заявил:

– А я не хочу быть больше поваром, чтобы надо мной смеялись. Хочу на поле собирать арбузы. Мы уже неделю тут, а я еще ни одного арбуза не попробовал.

– Ничего, еще успеешь, попробуешь. А с поваров я тебе не разрешаю уходить, это приказ, – охладил его пыл наш начальник. – Все, на этом тема закрыта. А завтра давайте приготовьте молочный суп-лапшу. Вместо молока используйте сгущенку, разведите ее, что делать дальше я вам расскажу.

То, что мы приготовили на следующий день, на завтрак я бы сейчас ни при каких обстоятельствах есть, не стал бы, но все же это было лучше, чем то, что было до этого. По крайней мере, собаки ЭТО ЕЛИ С УДОВОЛЬСТВИЕМ. Про курсантов, правда, этого не скажешь. Но мы рассудили здраво, что они еще не привыкли к нашей стряпне, а собаки начинают потихоньку привыкать. Мы видели в этом хорошее предзнаменование.

Воодушевленные этим, мы приступили к приготовлению обеда, который должен был состоять из пяти блюд в нашем понимании: хлеба, чая, сахара, макарон и какого-нибудь супа. Поскольку молочный суп-лапша не совсем у нас получился по нашему общему мнению, то решено было приготовить что-нибудь более вкусненькое. Правда, возникал вопрос из чего, поскольку почти ничего не было. Но этот вопрос был для нас тогда несущественным и носил скорее чисто умозрительный характер, поскольку, что делать со всей этой пищей мы и понятия не имели, хотя надо признать, что учились мы искусству приготовления пищи очень быстро, и со временем ее даже стало можно есть, без риска быть отравленным.

Как бы там ни было, но суп из нас готовить никто не умел, поэтому его приготовить было поручено мне как шеф-повару. Я подошел к этому процессу творчески: еще раз в светлое время суток провел ревизию продуктов на складе, и к своему удовольствию нашел в самом темном углу немного картошки и морковки. На складе были еще консервы.

Консервами оказалась бессмертная килька в томатном соусе. Я открыл несколько банок кильки. Почистил картошку с морковкой, закинул все это в кастрюлю десяти ведерную, кинул туда же пшена, специй каких-то, какие были в наличии не пожалел, соль и перец.

Получилось в результате очень даже симпатично и вкусно, чего я сам не ожидал. Есть это было можно. И ребята с удовольствием поели уху из кильки. Это была маленькая, но победа.

Так текли наши дни в этом поле на краю света. Курсанты ходили на поле, собирали арбузы, мы готовили им еду. Если это можно было назвать едой. Курсанты худели на глазах. А собаки, с удовольствием пожирали выкинутые на свалку, приготовленную нами и недоеденную ротовой пищей, и жирели на глазах.

Наше время уходило как вода сквозь пальцы, а мы, бедные курсанты все еще находились в плену собственных романтических иллюзий. Вечерами смотрели на звезды и мечтали о море, и радовались жизни.

Все было ничего, мы постепенно привыкали к новой жизни. Жизнь уже казалась спокойной и налаженной.

Но тут неожиданно взбунтовался Гасан. Он пошел к начальнику и прямо ему так заявил:

– Не хочу я быть больше поваром, – сказал он с суровостью, присущей горцам.

Ему для полноты эффекта не хватало бурки и кинжала на пояс.

– Все нормальные люди работают с девяти до четырех, а я, как ишак, каждый день встаю в пять часов, и заканчиваю в десять, а чаще в одиннадцать часов вечера. Ложусь спать в двенадцать ночи каждый день, а эти горные козлы еще орут, что им невкусно. Привыкли дома, понимаешь, в ресторанах кушать. Папа-мама их кормят всякими коржиками-моржиками, а Гасан не повар в ресторане, и готовить всякие деликатесы совсем не умеет.

– Мы с тобой говорили на эту тему. – Прервал его монолог классный «папа», – иди и работай. Разговор окончен.

Каждое утро один из нас, поваров, вставал в пять часов, и начинал готовить завтрак, в семь к нему присоединялись еще двое, а потом на кухне оставался кто-то из нас, кто следил за процессом приготовления пищи, а остальные шли спать.

Когда я на следующее утро пришел на свое рабочее место, кушать готовил непокорный Гасан.

– Я приготовил на завтрак классическое меню, – сказал он. – Макароны с сахаром и чай с хлебом. Я пошел спать.

Когда я открыл большую кастрюлю, где варились макароны, и попробовал их помешать, у меня это почему-то не получилось. Какие бы героические попытки я не предпринимал, все было тщетно.

Я пробовал их промывать, но все было бесполезно. Макароны слиплись в единый монолит и держались насмерть. Как стойкие оловянные солдатики, или как русские под Москвой.

Тогда я попробовал их порезать. Макароны в смысле. Или то, что было макаронами в прошлой жизни, до того как их неразумное чадо Сумгаита начал готовить.

За этим занятием меня и застал наш классный руководитель. За разрезанием МОНОЛИТА, без единого намека на макароны. Это была однородная масса теста, слипшегося воедино навечно.

Классный «папа» внимательно на все это посмотрел, тяжело вздохнул, и отдал приказание выкинуть эту неаппетитную пищу местным собакам, которые за то время, что мы были поварами здорово разжирели, и стали больше похожи по комплекции на свиней, чем на собак. Вот кто был по настоящему счастлив в то утро, так это, пожалуй, местные собаки, друзья человека, паразитирующие на нашей доброте и на наших выдающихся кулинарных способностях.

На завтрак мы ребятам дали по банке килек в томате и чай. Все были очень довольны и счастливы. Как оказалось мало нужно человеку для подлинного счастья!

После нашей готовки кильки в томате пошли на «ура» и казались неземным деликатесом. Многие с ностальгией вспоминали свой дом и свою маму, которая прекрасно готовила. С одной стороны было прекрасно, что мы своей деятельностью на ниве кулинарии смогли вызвать такое усиление сыновней любви, но с другой стороны мы понимали, что поваров из нас не получилось и что с приготовлением пищи нам нужно завязывать, дабы все это не кончилось битьем.

А разговоры такие курсанты то ли в шутку, то ли всерьез уже заводили не один раз.

После завтрака Гасана сразу же выгнали из поваров. Через несколько дней сам ушел собирать арбузы и Юрка Дубовской, чуть позже то же сделал я.

Арбузы, оказалось, собирать совсем несложно. Выглядело это так: мы шли по бахче, которая представляла из себя обычное поле с выкопанными по периметру каналами – арыками, в которых текла вода предназначенная для полива арбузов с помощью специальных машин.

Мы срывали арбузы и катили их по земле, собирая их в кучи. Чуть позже становясь в цепочку, перекидывали спелые собранные ягоды в подходящие для погрузки грузовые машины.

Конечно, случалось, иногда мы роняли арбузы, которые в большинстве случаев сразу же разбивались, но нас это не смущало, и мы продолжали работать дальше не останавливаясь ни на секунду.

Все вечера до этого дня, когда я впервые вышел в поле, у меня были заняты так плотно на кухне, что времени сесть, и отдохнуть, практически не было. Но, собирая арбузы, постепенно я познакомился с чисто русской национальной традицией бесконечных перекуров, цель которых была проста как пять копеек – побольше отдохнуть, поменьше поработать. «Работа – не волк, в лес не убежит» – так я считал очень долгое время, пока сам не стал начальником. Странные порой метаморфозы выкидывает жизнь, и те перемены, которые с нами происходят, мы воспринимаем, как должное и иногда нам даже в голову не приходит, что все в жизни могло быть и по-другому. Мы это называем ЖИЗНЬЮ, а ту роковую неизбежность, по воле которой

случаются с нами разные события, мы называем судьбой и очень-очень немногие могут этому противостоять и что-то изменить в этой коварной злодейке-судьбе.

Глава четвертая

В бытность мою поваром я как-то напрочь выпал из жизни лагеря бывших абитуриентов. Теперь же окунувшись в нее, я почувствовал себя немного лишним в этой раскрепощенной среде подростков, ищущих самоутверждения, которые только что вырвались из-под ласкового, но строгого крыла родителей.

Каждый утверждал свою личность как мог, не брезгуя при этом никакими способами: время от времени мальчишки дрались по поводу и без, иногда кто-то пытался завладеть всеобщим вниманием с помощью какой-нибудь очередной проделки типа «велосипеда» или «барабана».

«Велосипед» – это довольно жестокий розыгрыш. Заключался он в том, что ночью злоумышленник брал кусочки бумаги, вкладывал бумагу между пальцами ног спящего, а потом поджигал эту бумагу.

Естественно, спящий, чувствуя боль между пальцами ног от горящей бумаги просыпался. И, как правило, начинал беспорядочно махать ногами, пытаясь сбить пламя. Со стороны это было, похоже, как будто человек лежит на спине и едет на велосипеде, крутя педали.

Шутка была неумной и довольно жестокой. Кроме того, естественно, оставались ожоги на ногах. «Барабан» был чем-то похож на «велосипед». Правда, в этом некрасивом розыгрыше, бумага вставлялась между пальцев рук спящего. Потом бумага также поджигалась, и на живот спящего на спине человека, которого так «разыгрывали», клали алюминиевый тазик.

Когда спящий просыпался от боли в руках, он начинал спросонья махать руками, и бил в таз, издавая шум наподобие барабанного боя.

Со стороны это выглядело весело и забавно, но я искренне не завидовал тем парням, которые подверглись таким шуткам и унижению.

Я был очень скромным ребенком, которому все это было дико видеть и поэтому я напрочь выпал из этой странной, бурлящей жизни.

Ребята развлекались, как могли. Телевизора у нас не было. Компьютеров тогда не было вообще. Интернета не было даже в проекте. Заняться было нечем вообще.

И курсанты развлекались, как могли. И развлечения эти были не для слабонервных.

Представь на секунду, читатель себя. Ты спишь, и видишь десятый сон о доме, море или девушке. Ты спишь, и забываешь в это время обо всем. И становишься жертвой «розыгрыша». Если ты человек к тому же усталый, и к тому же спишь крепким сном, то ты будешь самой подходящей мишенью для разных коварных шуток. При этом, естественно во сне ты даже о них и не подозреваешь.

Тебе, читатель, мирно спящему человеку коварные пацаны ни за что ни про что, просто так вставляют между пальцев ног бумагу. При этом ты, заметь себе, спишь и пускаешь пузыри. Ты просто отдыхаешь и ни о чем не думаешь. И тут ты чувствуешь огонь в ногах. Ноги натурально горят. Причем заметь настоящим пламенем. Проснувшийся, ты, мой бедный читатель, естественно не можешь сразу понять, в чем дело, почему твои бедные ноги в буквальном смысле горят огнем, и начинаешь дико так натурально орать, как горный дикий кот, попавший во сне в огонь. И ты начинаешь чисто автоматически вращать ногами в воздухе, словно едешь на велосипеде, испытывая при этом дикую боль. Представил? Смешно, правда?

В лучшем случае после такого розыгрыша человек отделялся испугом, в худшем серьезными ожогами.

Все это смешно выглядит со стороны наблюдателя. И совсем не смешно, когда такую шутку проделывают с тобой лично. Все дело в точке зрения.

Итак, дорогой, и местами любимейший читатель, представь, одну ночь ты пережил, испытал «велосипед». Отработал весь день в поле, собирая арбузы. Пришел голодный и злой

в лагерь. Получил на ужин порцию слипшихся макарон. С трудом, преодолевая жуткое отвращение, затолкал эту порцию вареного теста внутрь себя.

И уже почти настроился отдохнуть от боли в ногах и сильной усталости от физически тяжелой работы. И вот ты, читатель лег на свою койку и заснул с мыслью, что это ночь пройдет спокойно.

И вот тут ты опять не угадал. Ибо жизнь часто преподносит сюрпризы, которых часто не только не ждешь, но и которых ты стремишься избежать.

Ты спишь, и видишь сны. И ноги не болят от ожогов, и жрать не так охота, как днем. И делать ничего не надо.

И вот тут приходят они, эти brave ребята-курсанты, и начинают тебя развлекать. Ты можешь и не хочешь развлечений. Но они, эти неугомонные полуночники твоих мнений и желаний не разделяют и точно знают, что хотят они.

И тебе, мой спящий читатель, бумага вставляется ночью между пальцами рук, а потом поджигается. Когда ты просыпаешься от боли, ты начинаешь почему-то махать первое время руками в воздухе. Почему ты так делаешь, мой неугомонный читатель, ты верно и сам не знаешь, не правда ли? Но с точки зрения brave курсантов ты совершаешь эти сложные манипуляции и движения руками, объятый пламенем с единственной целью – развлечь своих сокурсников. Ибо делать тебе больше ночью нечего больше. Кроме как развлекать.

Представил? Себя ощутил в роли клоуна?

Да... Тебе могут заранее подложить что-то, по чему ты можешь бить руками для большего развлечения. Почему нет? Чаще всего подкладывали металлический таз. И ты становишься человеком-кроликом, что «бьет» в барабан.

Жестокие забавы для мальчишек, желающих получить самоутверждение.

Днем мы обычно работали, вечерами были предоставлены сами себе, и каждый делал то, что хотел: кто-то писал письма, кто-то играл в карты, некоторые играли в футбол или волейбол. Так неспешно и неторопливо текло время, оставляя за собой шлейф прошлого, состоящий из воспоминаний, хранящихся в памяти. Вечерами после отбоя нас всех дружно загоняли в постель. И по идее начальства мы должны были спать. Но кто когда видел романтиков, спящих мирно после отбоя?

По крайней мере, мы должны были находиться в кроватях. Вот тогда и наступало время для разговоров. Говорили о разном. Так один наш сокурсник, крепыш из Краснодарского края, больше похожий внешне и походками на большую и злую гориллу рассказывал, что дома у него был самый настоящий гарем из двенадцати девушек, которые его сильно любили.

В то время, в восемьдесят первом году, у меня такое в голове не укладывалось. Воспитание было другое. Страна была другая – СССР, в которой моногамность еще не была сортом дерева, растущем где-то в Африке.

Но наш сокурсник про свои амурные дела любил рассказывать долго и с подробностями. Фамилия его была Ткаченко, а звали его Сергеем. Было ему, как и нам пятнадцать лет, но выглядел он в наших глазах значительно старше. То ли потому, что был крупнее нас, то ли потому, что выглядел гориллоподобно, бог весть.

Сейчас я понимаю, что все то, что тогда говорилось, могло быть правдой, а могло быть и выдумкой, но все мы полны были романтики и наивности, которая еще была в неокрепших мальчишеских душах.

Среди нас были ребята и по шестнадцать и даже по восемнадцать лет, и те чувствовали себя среди нас как люди, пожившие и много видевшие на своем веку. Но чем больше времени проходило, и настоящее неумолимо уходило вдаль по течению реки времени, тем явственнее все мы ощущали приближение какой-то роковой неизбежности, с таящимися впереди суровыми испытаниями, которые нас ждут впереди.

Это было странное общее предчувствие надвигающейся беды, которую вчерашние мальчишки, дружно не сговариваясь, пытались игнорировать. Нервы у всех были на пределе. Драки стали более частными, ребята более задиристыми, смех звучал все реже и реже пока совсем не прекратился. Всем было уже не до смеха.

Почему? Кто знает? Мы, видимо, подсознательно чувствовали, что детство заканчивается, и впереди нас ждет беда.

Кожей спины, макушкой, всем своим телом, душой мы ощущали надвигающийся на нас ужас. Все молчали. НИКТО НИЧЕГО НЕ ГОВОРИЛ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ.

Но опасение чего-то страшного, что ждет нас впереди, было у всех. Даже собаки, бегающие повсюду, приуныли и часто выли по ночам. А в один из дней все они пропали. Сбежали от нас в чистое поле, которое нас окружало со всех сторон. ВСЕ ЧУВСТВОВАЛИ ПРИБЛИЖЕНИЕ БЕДЫ...

Однажды после работы ко мне подошел высокий парень из нашей группы, к которому приклеилась кличка «жемчуг», которая образовалась из его фамилии Жемчугов в результате простого сокращения, и сказал мне:

– Знаешь, Вовка, я бы на твоём месте подал рапорт об отчислении.

– Это почему? – спросил я его.

– Я тебе объясню, если хочешь, только вряд ли тебе это понравится. – Сказал мне этот белокурый уверенный в себе парень.

– Все очень просто: все вы, маменькины сынки, поступив в мореходку, решили, что дело сделано и поехали домой. Я же остался жить в училище. А знаешь почему?

– Почему? – спросил я в свою очередь. – Денег не было?

– Нет, деньги были. – Сказал Жемчуг, затягиваясь сигаретой. – Все намного проще и сложнее одновременно. Я остался, чтобы посмотреть и прикинуть, что за жизнь меня ожидает в этой мореходке.

– Ну и как? Посмотрел? – задал еще один глупый вопрос, не понимая к чему, он все это клонит.

– Посмотрел. – Он опять глубоко затянулся и после глубокого раздумья сказал:

– Если ад и существует, то он у нас впереди. И не всем по силам это выдержать. Выдержат только самые терпеливые, а может самые наглые и злые, понимай, как знаешь.

Он опять глубоко затянулся сигаретой и выпустил мне дым в лицо, внимательно смотря мне в лицо с издевкой.

– А ты сам-то выдержишь? – спросил я Жемчуга, до конца, не понимая, что он имеет в виду.

– Если честно, то до конца не знаю, но думаю, что я выдержу. – Ответил честно Андрей, который насколько я помню, приехал из города Камышина.

– Но вот ты-то точно не выдержишь, это точно.

– Это почему же? – возмутился я, – я, между прочим, до мореходки занимался дзюдо.

– Я видел, как ты дерешься, только, знаешь, это не поможет.

– Это почему же?

– Да ни почему. В прошлом году на первый курс поступило в М-12 тридцать три человека, а до конца первого курса дожило только двенадцать. В другой группе механиков было тридцать пять человек, а окончили первый курс только одиннадцать. Тебе это ни о чем не говорит?

– Лично мне – нет, – сказал я ошарашенный такой статистикой, – но если интеллектуальный уровень человека ниже уровня плинтуса, то это на всю жизнь.

– Да причем тут интеллектуальный уровень? – поморщился Андрей. – Ты что, думаешь, прошлогодние курсанты были глупее нас?

– Нет, я ничего такого не думаю, – ответил я. – Просто я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Жалко мне тебя. Ты – типичный маменькин сыночек, начитавшийся книг про море и у которого романтика из задницы играет гимны. – С усмешкой сказал Жемчугов.

– Но-но, полегче, я же разговариваю с тобой как с нормальным человеком. – Меня стал бесить этот беспредметный разговор.

– Хочешь подраться, – давай подеремся, хоть я ничем не занимался, но морду я тебе набью. – Без всякого перехода с вызовом сказал Андрей мне.

– Ну-ка давай, попробуй, – сказал я, вставая в стойку.

– Слушай, хватит, а? Не хочу я с тобой драться. Видишь – сижу, никого не трогаю. С тобой, между прочим, разговариваю о жизни, – сказал он примирительно, – а ты не хочешь понять очевидных вещей.

– Каких это очевидных? – сказал я, успокаиваясь, находясь, все еще в борцовской стойке.

– А таких, – Андрей повысил голос, – да садись же, наконец, и так на нас все обращают внимание.

Я нехотя сел, хотя от природы никогда не отличался повышенной вспыльчивостью и драчливостью.

– Я не хотел тебя обидеть, – сказал мне Андрюха примирительно. – Кстати, если ты думаешь, что такая катавасия с выживаемостью в училище первый год, то тут ты ошибаешься. В этом году училище выпустило пятьдесят два человека – судомехаников и штурманов. Только пятьдесят два. Хотя на первом курсе было сто тридцать, после него оставалось человек шестьдесят, потом набрали «червонцев» еще человек семьдесят. Всего получается двести, правильно? А осталось к концу четвертого курса только пятьдесят два.

– Слушай, а кто такие «червонцы»? – задал я очередной глупый вопрос.

– «Червонец» – это человек, окончивший десять классов и поступивший в наше родное, богом проклятое КМУ. Ты лучше спроси, – зачем их набирают.

– Зачем? – спросил я.

– Когда после первого курса отсеивается больше половины, их набирают на место выбывших, не выдержавших пыток, несправедливости и избиений, – пояснил мне собеседник.

– А что же начальство ничего не знает? – наивность моя не знала предела.

– Начальству на муки первокурсников наплевать. – Сказал Жемчугов, ненадолго задумываясь, – я думаю, что те порядки, которые царят в училище, само начальство и придумало.

– И что неужели никто ничего не пытался изменить? – продолжал допытываться я.

– Вовка, ты, правда, такой дурак или прикидываешься. Я тебе расскажу один случай, который был не то в прошлом, не то в позапрошлом году. Учился один малый по фамилии Черевниченко, кажется. Так вот он задумал изменить существующие порядки и стал «стучать» начальству на то, что происходит.

– Как «стучать»? – не понял я его.

– Ну, ты в натуре темный. «Стучать» – значит закладывать начальству. Людей, которых этим занимаются, называют «козлами» или стукачами. Понял, деревня?

– Ага, – согласился я, понемногу начавший осваивать русский разговорный язык.

– Так вот этот самый Черевниченко пытался существующие в мореходке порядки изменить, и докладывал начальству обо всем, что происходит. Кончилось все это тем, что его самого выкинули в тумбочке с пятого этажа, предварительно избив до полусмерти. А родителям сказали, что малый сам упал с крыши.

– Он хоть жив остался?

– Нет, разбился насмерть, – сказал Андрей, закуривая новую сигарету? – с тех пор «козлов» в училище больше нет. Кому охота падать вниз в тумбочке?

Незаметно подкрались сумерки, солнце спряталось в темноту, и появились огромные сияющие звезды огромные как блюдца, которые мягко светились в ночи. В средней полосе

России я никогда не видел таких огромных звезд. Эти звезды завораживали, буквально притягивая к себе, так и хотелось подняться от земли и полететь.

– А ты знаешь, – сказал я Жемчугу, – а я лет пять назад летал по воздуху.

– Хватит заливать, – сказал он, туша сигарету, – я с ним серьезно, а он мне сказки рассказывает.

– Да нет, правда. Когда мне исполнилось лет восемь, я стал ходить по ночам.

– Лунатик, что ли?

– Да, кажется, это так называется. Ну, так вот сам я про это ничего не помню, но мне мать про это рассказывала.

– Интересно послушать: как же это у тебя получалось летать? – сказал Андрей, с интересом глядя на меня.

– Сначала мне снились сны, как я летаю по воздуху, а потом однажды моя мать рассказала мне, что на самом деле видела, как однажды я летел ночью в спящем состоянии по воздуху. Потом еще несколько раз такое повторялось. Постепенно я сам как-то постепенно уверовал в свои способности и однажды рассказал об этом одному своему однокласснику. Тот мне, конечно, не поверил. И я не помню уж, как получилось, но мы с ним поспорили, что я смогу перелететь через реку Воронеж по воздуху. Спорили на десять рублей. Для нас обоих это были очень большие деньги. До этого я ни разу в состоянии бодрствования не летал, но был уверен, что все у меня получится. В один весенний майский день мы пошли на берег реки. Река в этом месте шириной километра примерно полтора. Была уже ночь, что-то около часа ночи, светила полная луна. Я лег на спину и попытался вызвать в себе то ощущение полета, которое было во сне. Постепенно это ощущение полностью завладело мной, я почувствовал между лопаток ощущение силы, и я, усилием воли, используя эту силу между лопаток, поднялся в воздух и полетел, тело мое было под некоторым наклоном по отношению к поверхности. Наклон составлял примерно градусов сорок пять относительно горизонтальной поверхности. Когда я летел, я чувствовал между лопаток ту силу, которая меня поднимала от земли, и несла вверх. Было такое ощущение, что у меня выросли крылья за спиной, и я парю на них. Так я летел все дальше и дальше над рекой, ощущая воздух, который оведал мое тело, его прохладу, какую-то странную упругость ночного неба и было во всем этом что-то неестественное и чудесное в этом моем ночном полете. Но постепенно я стал ощущать, как сильно я устал, и стал замечать как постепенно все ниже и ниже опускался к реке. Когда мои ноги коснулись воды, я не на шутку испугался, что упаду в воду и утону. До берега оставалось метров сто, а силы мои были на исходе, и я уже жалел, что пошел на эту авантюру и дал себе слово, что больше никогда не полечу. Уж не знаю, как, но я смог дотянуть до берега островка, к которому летел, и буквально рухнул на берег в изнеможении, даже не веря, что смог дотянуть до берега. Потом, наверное, часа три отлеживался – не было сил встать, и часа три добирался домой по мостам пешком.

– Ну и как отдал тебе твой друг деньги? – спросил Андрей, недоверчиво глядя на меня.

– Да, отдал, – ответил я, любуясь звездным небом и пейзажем, который в лунном свете стал особенно красивым и притягательным. Было немного холодно, и со всех сторон нас атаковали комары.

– Мне недавно приснился странный сон, – сказал Жемчуг, закуривая очередную сигарету, – как будто бы ко мне пришел сам Сатана и говорит мне: уезжай отсюда домой, что ты забыл здесь в этом аду, в той клоаке, куда ты стремишься? И глаза у него такие грустные и пронизывающие насквозь были, что я даже проснулся, а потом до утра не мог заснуть...

– Ладно, пошли спать, а то эти комары здоровые как самолеты нас сейчас съедят. – Сказал я ему и поднялся, чтобы идти в наш барак.

Неожиданно подал голос коренастый мужичок-казах, что вечно толкся у нас на кухне, готовя себе чифир из чая, который мы ему давали:

– Я знаю этого Неведомого Бога – Сатану, – сказал он со спокойным величием уверенности, твердой, как гранитная скала. – Истинный Бог был рожден среди нас во плоти. И я говорю вам: где бы вы ни видели людей, коими правит тайна, в этой тайне заключено зло. Если дьявол внушает, что нечто слишком ужасно для глаза – взгляните. Если он говорит, что что-то слишком страшно для слуха – выслушайте. И если вам померещится, что некая истина невыносима, – вынесите ее и постарайтесь открыть для нее свое сердце.

Мы не придали тогда словам старика никакого значения, поскольку в наших глазах этот уголовник, постоянно пьющий чифир, который как сам он утверждал, попал в тюрьму за занятие магией, не внушал никакого доверия.

Так мы и жили в этом поле посреди арбузов. Днем собирали арбузы и грузили машины, которые развозили их по всей стране. Вечерами отдыхали, разговаривали о прошлом, мечтали о будущем, говорили о самом сокровенном. Но чем ближе было время возвращения в училище, тем тревожнее становилось в наших душах, но все мы думали, что все, что рассказывалось про порядки в мореходке неправда и как только мы туда приедем, все будет по-другому, и что не так страшен черт, как его рисуют. В душах наших была странная смесь из уверенности, что все у нас будет хорошо, и из предчувствия беды, которая неумолимо надвигается на нас, грозя нас раздавить.

Неожиданно для себя я довольно близко сошелся и подружился с одним парнем из Каменки, Пензенской области. У него росли небольшие усики белого цвета, чем он очень гордился. Его голубые глаза смотрели на мир с долей иронии и доброты. И глаза его очень гармонировали с его светлой шевелюрой. Почему-то к нему приклеилась кличка «дед». Видимо причиной этого было высказывание Стаса Меньшова по поводу того, каким должен быть старший механик:

– На кораблях стармеха зовут просто – «дед» – сказал он как-то всем в бараке после отбоя. – Так вот настоящий «дед» должен быть лысым, толстым, ленивым, лежать на диване и курить трубку, одновременно пить пиво и смотреть телевизор.

Сам он был немного полноватым и имел небольшие залысины на голове, несмотря на свой возраст. И в нашем сознании сразу же сформировался образ Стаса, лысого, с трубкой в руке, пивом, воблой и телевизором, лежащим на диване. Так к нему приклеилась кличка «дед».

На бахче мы работали побригадно, и я был в одной бригаде со Стасом.

То сколько мы ели арбузов на поле не поддается никакому описанию. Сначала мы их ели очень много, потом все меньше и меньше, потом на арбузы все уже не могли просто смотреть. Прошло с тех пор много лет, а я не люблю арбузы по сей день, и не ем их до сих пор.

В то время, когда мы их собирали в поле, мы их просто объелись. Но когда пить сильно хотелось, мы иногда съедали чуть-чуть арбузной серединки без семечек, а остальной арбуз выбрасывали. Варварство чистой воды. Но мы были молоды, глупы и неподконтрольны никому на том поле.

Вот тогда у нас и появилась проблема, как различить арбуз по чисто внешним признакам, не вскрывая, его: – вкусный он или нет.

Мы со Стасом подошли к этому вопросу с чисто практической точки зрения. Учились мы выбрать арбузы достаточно оригинальным способом: шли по полю, где лежали собранные арбузы и делились мнениями по поводу каждого крупного экземпляра. Если мнения по поводу отдельного экземпляра расходились, мы поступали просто: раскалывали этот арбуз и смотрели кто из нас прав.

Дня за четыре мы переколотили тонн пять-шесть арбузов вдвоем, но научились таки выбирать арбузы того сорта, что росли на нашей бахче.

Читатель, слушай внимательно, в чем тут дело – тебе это может пригодиться, когда ты захочешь попробовать щедрые плоды астраханских степей. Стук и звон арбуза тут не причем,

как и в каком состоянии находится то место арбуза, где он был прикреплен к самому растению. Это все вторично. Собственно говоря, плоды до шести килограмм это еще не арбузы, а так – недоростки.

Настоящий арбуз начинается с веса после шести килограмм. У хорошего арбуза между темными и светлыми полосами должна быть яркая контрастность. Такая ягода самая спелая и вкусная. Но светлые полосы у арбуза не должны быть белыми. Если эти полосы белые, то арбуз перезревший. Мы все больше и больше по прошествии времени думали о том, что нас ожидает в самой мореходке, когда мы туда приедем, но все полагались на извечный русский «авось». Так уж мы все, видимо, устроены, что всегда надеемся на лучшее даже в аду. Как бы не складывалась жизнь, и обстоятельства вокруг русские всегда ставят на «авось». Вот и мы думали, что все обойдется и то, что говорят это о мореходке – это всё сказки и неправда.

Наконец, наше время пребывания в колхозе закончилось, и нас погрузили в автобус и повезли в училище.

Прибыли мы в мореходку аккурат к обеду. После всего того, что мы сами готовили и соответственно кушали пища, приготовленная профессиональными поварами, показалась всем нам райской пищей богов.

Мы получили обмундирование – форму, в которой на флоте ходят матросы: брюки флотского образца с застежкой сбоку, флотский брючный ремень, теплую тельняшку, фланку, гюйс. Для выхода в город нам выдали фуражку с эмблемой КМУ, парадную форму, бушлат. Когда мы облачились во все, что получили, то мы сами себе казались крутыми мореманами, несмотря на то, что одежда вся на нас была размера на два-три больше и болталась на всех как на вешалках. Но мы были счастливы тому, что наши мечты потихоньку начинали сбываться.

Глава пятая

Если первый день в училище был полон радости и эйфории, то на следующий день все-рез взялись за наше воспитание в духе идеалов коммунизма и обычаев училища.

Нас всех построили утром на плацу около училища и стали вбивать нам в головы, что все, что мы знали о жизни до поступления в училище – это старый ненужный хлам, которому самое место на свалке.

Заместитель начальника училища по строевой подготовке Сердюков, коренастый низковатый крепыш со светлыми волосами, зализанными назад, и колючими злыми глазами, одетый в белую парадную форму комсостава, нам перед всем строем прямо заявил:

– То как вы жили на гражданке, дома – это красивая сказка, которая осталась в прошлом. Забудьте про это. Теперь у вас начнется совсем друга жизнь. Мы сделаем из вас настоящих мужчин, хотя кому-то это может не понравиться. В училище действует устав, как во всех вооруженных силах Советского Союза, и вы обязаны ему подчиняться. Если вы допускаете нарушение устава, то вы должны будете первый раз написать объяснительную командиру вашей роты. Если же такое случится второй раз в течение года, – вы немедленно будете исключены из училища. Фамилия моя Сердюков и именно я буду решать вопросы вашего отчисления из училища. А сейчас вы займетесь строевой подготовкой, которую будет проводить с вами ваш старшина роты Алипкалиев Максад.

Глаза Сердюкова смотрели на нас с явным неодобрением и с плохо скрываемым пренебрежением. Неожиданно он заорал во все горло:

– Равняйсь! Смир-р-р-но-о-о!!!

Мы все как один выполнили эти команды, насколько каждый из нас правильно их понимал.

– Алипкалиев! Шаг вперед! – продолжал командовать Сердюков, которого мы сразу невзлюбили за то высокомерие, которое он ко всем подчиненным проявлял.

– Приказываю вам провести строевую подготовку до обеда.

– Есть! – браво ответил среднего роста киргиз, который довольно браво выглядел по сравнению с нами всеми. Было ему около двадцати трех лет, он отслужил армию, и казался нам всем стариком, много повидавшем на своем веку. Его хитрые миндалевидные, узкие глаза хитро и довольно блеснули, и он скомандовал нам:

– Равняйсь! Смирно! Рота! Направо! Вперед шагом марш!

До обеда он занимался с нами строевой подготовкой. Когда в военных училищах, мореходках и в армии нечего делать, то на помощь приходит строевая подготовка.

Строевой подготовки не может быть мало. Сколько бы ты ей не занимался, в глазах начальства это все равно будет недостаточно, даже если ты будешь заниматься ей 24 часа в сутки. На то она и строевая подготовка.

Для непривыкших маршировать вчерашних пацанов это было достаточно непросто. Но строевой шаг – это ведь не просто ходьба в ногу строем. Тут нужен печатный шаг, умение держать равнение в строю и навык тянуть носок при каждом шаге и печатать каждый шаг, чтобы во первых не было слышно «дробей» при маршировке, чтобы вся рота шла в шаг и каждый шаг был как бы шагом одного многоголового существа, которое звалось пятая рота КМУ; а во-вторых, чтобы звук был такой, чтобы стекла дрожали в училище. Ближе к обеду мы измучились и были похожи на загнанных лошадей, с которых ручьем лил пот. У некоторых ноги стали сводить судороги, но Максад, казалось, ничего не замечал. Тяжелее всего было держать несколько минут на весу прямую ногу.

Но худо-бедно до обеда мы дотянули. Пообедали. А когда мы закончили, есть по команде старшины, то, несмотря на то, что все съели весь обед, мы вышли мы из столовой голодные как волки.

Мысли всех были только об одном, – что бы такое съесть еще? Впрочем, некоторые успели запастись хлебом, которым набили карманы брюк.

После обеда нас построили, проверили все ли на месте, потом был личный осмотр каждого курсанта, почти у всех были какие-то замечания: у кого ботинки не начищены, у кого форма мятая, у кого-то бляха грязная.

А когда нам, собственно говоря, было заниматься все этим, когда после подъема свободной минуты не было. Но это никого не волновало. Нам было дано десять минут, чтобы исправить замечания и привести себя более-менее в божеский вид.

Потом нас снова построили, и каждому дали персональное задание, что ему делать: все мы как один стали убирать роту, которая, к слову говоря, совсем была не грязная. С нашей точки зрения. Но точка зрения курсантов никогда не совпадает с точкой зрения начальства. И этот парадокс мы быстро усвоили.

Пол мы мыли зубными щетками с мылом как в кубриках, где жили курсанты так и во всей роте. В этом было какое особое издевательство, как над нами, так и над процессом мытья роты. Иногда в то время мне казалось, что над нами специально издеваются просто потому, что так принято в родном учебном заведении.

В роте было четыре группы курсантов: две группы будущих судомехаников, и две группы судоводителей.

Каждая группа жила в отдельной комнате, где стояли двухъярусные кровати и тумбочки. Комната эта называлась кубрик. Почему кубрик? Кто знает? Училище мореходное, потому, вероятно, и кубрик.

Табуретки и стулья нам не полагались, поэтому сидели мы, когда удавалось выкроить свободную минутку, что было, в общем-то, из области фантастики, на кроватях. Кровати всегда должны были заправлены быть идеально по струночке, поэтому сидеть на них нам не рекомендовалось, да если говорить честно, то и некогда было на первом курсе на них сидеть.

Помещение, где жило более тридцати человек, убиралось дважды в день самими курсантами и было очень даже не маленьким. Поэтому мытье полов с мылом зубными щетками было чистым издевательством. Все это понимали, но жаловаться никто не бежал, потому, как знали – БЕСПОЛЕЗНО.

Кроме четырех кубриков в роте еще был красный уголок, который был вечно закрыт, комната ротного командира, комната, где жил старшина роты и каптерка, где хранились личные вещи курсантов и наша парадная форма, шинели и бушлаты.

Помещения в роте разделял на две части вдоль длинный коридор, который был в длину, пожалуй, около ста метров. Вот этот-то коридор и предстояло мыть некоторым курсантам также своими зубными щетками. Лично мне «с группой товарищей» предстояло отдраить галюн (на гражданке это называется туалет) так, чтобы он «блестел как котовые яйца». Этот сногшибательный эпитет был непонятен никому из нас, но мы твердо усвоили, что если мы не добьемся до завершения работ искомого результата требуемого качества, то будем чистить его, не останавливаясь до утра. Это в наши планы не входило, поэтому мы все же рискнули обратиться ко второму старшине, которого к нам назначили с четвертого курса, по фамилии Василенко и у которого была оригинальная кличка: «Вэ Эс», за разъяснениями того чего от нас требовалось более конкретно.

Глава шестая

– Что вам не понятно? Если я сказал, чтобы галльон блестел как котовые яйца, значит, он должен блестеть! Понятно? Так в чем же дело? – плотоядно ухмыльнулся старшина.

– Вперед! А чтобы было чем, чистить, – бегом, на стройку, что располагается за забором, каждый схватил по пять красных кирпичей, и принес их в роту. Ими и будете чистить те металлические штуки, каждая из которых называется «очко». Стены очистить от краски и дерьма лезвиями. Пол вымыть.

– А теперь – бегом марш! – Заорал старшина.

Задавать вопросы больше не хотелось. Охота к полемике у всех как-то незаметно пропала. Мы дружно двинулись за кирпичами. Никто из нас никогда не брал ничего чужого в своей жизни, но, помня наказания старшины и, зная силу его кулаков не понаслышке, мы ни секунды не сомневаясь, взяли каждый по пять кирпичей, рассудив, что государство не обеднеет от такой потери и пошли драить свой сортир, именуемый по-флотски галльоном.

Тем, кто не был курсантом, или не был в армии, может, и неприятно это читать. А каково было нам пятнадцатилетним пацанам, ни разу в жизни не мывшим пол, принимать во всем этом живейшее участие?

Я имею в виду мытье туалета. Я понимаю, читатель, твои чувства, поэтому щажу тебя, и не буду писать, что при этом ПРОЦЕССЕ МЫ ЧУВСТВОВАЛИ. Но поверь мне на слово, что чувство отвращения это блеклое и слабое чувство по сравнению с тем, что мы чувствовали тогда.

Впрочем, через три часа галльон сверкал как новый. Пол был чище, чем новый, и блестел идеальной чистотой. Чистые стены и стекла, блестели как любимые старшиной гениталии самца отряда кошачьих, а в железо, недавно еще совсем ржавое можно было смотреться как в зеркало. Естественно, за время уборки мы никого в туалет не пускали. Когда она закончилась, я поймал себя на мысли, что, наверное, это железо, начищенное столь тщательно, будет блестеть вечно.

– Ну, вы, блин, даете, – сказал старшина, входя в туалет. – Ведь можете, когда хотите.

– Так точно! – хором отвечали мы.

После того как закончилась генеральная уборка, нас опять построили, и произвели проверку личного состава, и осмотр внешнего вида каждого курсанта. Представляете, как мы выглядели после уборки туалета? А остальные после мытья пола с мылом зубными щетками? Но разве подобная проза жизни кого-то интересовала кроме нас самих.

– Рота! Равняйся! Смирно! – проорал Василенко. – Однако, что-то вы какие-то все грязные. Даю вам пять минут, чтобы привести себя в нормальный вид и исправить замечания, полученные вами. Разойдись!

Мы, конечно, разошлись, но что можно сделать за пять минут, особенно если твоя одежда нуждается в стирке, сушке и глажке, а другой одежды, кроме как на тебе самом больше нет. Что успели мы сделать? Тех, кто был почище, мы поставили в первый ряд, чтобы создать хоть какую-то видимость перемен.

– Ну, что, распиздяи, – сказал нам Василенко после осмотра личного состава. – Мой приказ вы не выполнили. Это очень плохо. Сейчас мы пойдем на ужин, а после ужина мы продолжим воспитание. Я напоминаю вам, что сесть за стол вы должны по команде, по команде же вы должны будете встать из-за стола и бегом. Я повторяю БЕГОМ бежать на построение в роту. А сейчас бегом марш в столовую, через минуту я вас жду внизу, чтобы все стояли в строю. Если хоть кого-то одного не будет, – пеняйте на себя, будем бегать еще.

– Равняйся! Смирно! – проорал старшина, которого медленно, но верно все мы начинали ненавидеть. – Вниз, в столовую бегом МАРШ!

Нужно ли говорить, что, естественно в первый раз у нас пробежать вниз по лестнице не удалось как надо. Старшина шел вразвалку перед всей ротой, а обогнать его никто не решился. Так мы бежали еще три раза на пятый этаж вверх и вниз. Терпению рано или поздно приходит конец даже у таких забитых мальчишек, какими мы были на первом курсе КМУ.

Если, читатель, ты думаешь, что был бы на нашем месте совсем другим, то ты ошибаешься. Против той системы, что там была ты, мой героический читатель, не смог бы ничего сделать, как только лишь не участвовать во всем этом издевательствах и уйти оттуда, или иначе бы система сломала бы тебя, подмяв тебя под себя. И тогда, неминуемо, но верно, рано или поздно, но ТЫ СТАЛ БЫ РАБОМ.

И когда очередной раз была нам отдана команда бежать вниз, две группы будущих судоводителей с таким остервенением кинулись вниз, что оттеснили старшину в сторону, едва не свалив его на пол, и кинулись со всех ног по лестнице вниз. Вся рота уже стояла в строю, внизу, тяжело дыша, как загнанные лошади, которых пора пристрелить.

– Рота! Равняйся! Смирно! – громко крикнул подошедший Василенко. Чувствовалось, что он откровенно упивается данной ему властью. – Ну, вы, блин, даете, я думал, что вы растопчете меня. На ужин шагом марш!

Мы бегом вбежали в столовую выстроились около своих столов. После того как мы стояли у своих столов, он скомандовал:

– Рота! Приступить к приему пищи! Время пошло! Даю вам одну минуту на прием пищи.

Какими бы мы не были голодными и усталыми, как бы быстро мы не ели, но съесть за одну минуту пшеничную кашу с рыбой и выпить чай с хлебом не удалось никому. Жрать хотелось зверски. Времени было мало. Каждый из нас отчетливо понимал, что если он свою еду съест сейчас за минуту не успеет, то больше до утра есть будет нечего.

– Рота! Закачивай прием пищи! – Через минуту проорал Вээс.

– На выход бегом марш! Через одну минуту я жду вас наверху в роте. – Услышали мы очередной приказ негнбемого старшины.

На этот раз толпа опять оттерла старшину, несмотря на его габариты. Когда мы примчались в роту, нас снова проверили по списку, – это называлось «большой сбор». Хотя я не понимаю, куда кто из нас мог деться, если у нас ни одной свободной минуты не было. А последним на лестнице кто шел не торопясь в роту, был сам старшина.

– Рота! Равняйся, смирно! – наш старшина не на шутку разошелся.

– Рота! Отбой! – неожиданно услышали мы, хотя время было еще только около восьми часов вечера, в то время как отбой по расписанию должен быть в десять вечера.

Мы не спеша стали расходиться по кубрикам испытывая в душе чувство облегчения и чувствуя смертельную усталость. Но как мы ошибались! Не успели мы раздеться и лечь в кровати как услышали очередную команду старшины Василенко:

– Рота! Сорок пять секунд – подъем!

Через какое-то время мы полуодетые стояли в строю.

– Рота! Равняйся! Смирно!

– Значит так, товарищи курсанты, – сказал старшина, улыбаясь чему-то своему – сейчас мы будем учиться отбиваться за сорок пять секунд до тех пор, пока все как один не научатся за сорок пять секунд раздеваться, и лежать в постелях, и за то же время одеваться и стоять в строю.

Старшина улыбался во весь рот, демонстрируя все свои зубы, часть из которых были золотые.

– Вы спросите, зачем это надо? – Он, видимо решил преподать урок флотской мудрости, без которой нам никак в этой безумной жизни ну никак не выжить.

Глаза его светились непомерным самодовольством, человека, имеющего желание осчастливить своими откровениями этих сто тридцать пятнадцатилетних пацанов, стоящих перед ним навытяжку.

– Так вот, товарищи курсанты, я вам объясню, зачем это надо: допустим, лежите вы с бабой в постели и вдруг в самый ответственный момент вы слышите, как поворачивается ключ во входной двери, а вы совсем-совсем раздеты, ну то есть абсолютно. Вот тут-то вам и пригодится ваше умение быстро одеться и дальше либо набить морду дураку-мужу, который так не вовремя возвращается домой, либо десантироваться в окно в зависимости от обстоятельств. Причем то и другое рекомендуется делать с достоинством, помня о чести училища, и в одетом виде. Кстати, мой любимый этаж для десантирования – третий. Наши наставления о том, как вести себя в городе в увольнении вы должны хорошо помнить. И делать соответствующие выводы, – если уж заводите себе женщину, так заблаговременно позаботьтесь, чтобы она жила не выше третьего этажа. Женщина, которая живет в доме не этаже выше третьего – это потенциально опасная для вашего здоровья женщина и поэтому сами понимаете, что знакомиться с такими дамами не рекомендуется.

Старшина улыбался чему-то своему и был похож на старого, довольного, котяру, который вспоминает про свои мартовские похождения. Усы его двигались, казалось, сами по себе и жили своей, независимой жизнью.

– Рота! Равняйся! Смирно! – вдруг заорал старшина. – Сорок пять секунд – отбой!

Мы уже неслись в свои кубрики, к своим кроватям, раздеваясь на ходу, все еще слыша его громыхающий голос:

– Если через означенное время кто-то будет одет, и не лежать в кровати, то все вы, ваш рот ниже носа, снова будете тренироваться.

То ли объяснения старшины, которые всем очень понравились, то ли его угрозы, которые не понравились никому, на нас так подействовали. Но через очень короткое время все в нашем кубрике в раздетом виде лежали по кроватям, довольные как стадо кабанов, которые попали в лапы волчьей стаи и радующихся тому, что их еще не съели.

Через короткую паузу мы снова услышали бодрый голос Василенко:

– Рота! Сорок пять секунд подъем!

Мы дружно, как стадо баранов, опять кинулись одеваться. Причем, удобнее это было делать тем, чьи койки были на «втором этаже».

Двухъярусные койки собирались достаточно просто: с нижней койки снималась верхняя часть, представляющая собой изогнутую металлическую трубку, и на нижнюю койку ставилась верхняя.

Когда курсант прыгал сверху, он вставлял ноги в штанины брюк и пока долетал донизу уже оказывался с одетыми, но не застегнутыми штанами, тельняшка и фланка одевались на бегу в коридор. Уже в коридоре застегивались штаны и завязывали шнурки, если успевали.

Так мы тренировались до самого отбоя. Наконец, мы легли в койки с единственной целью – поспать. И некоторым это удалось. В смысле заснуть.

Но неожиданно мы столкнулись с еще одной стороной быта студентов-первокурсников нашего доброго КМУ: в наш кубрик ввалилось двое курсантов с четвертого курса. Они заставили нас еще целый час одеваться и раздеваться на время.

Под конец этой процедуры они забрали четверых курсантов с нашей группы мыть свою роту.

Через некоторое время к нам пришли еще несколько человек с четвертого курса. У всех были какие-то проблемы, которые мы почему-то за них должны были решать. Такие добрые традиции были в родном КМУ. Первокурсник он как Создатель, Иисус Христос и Святой дух в одном лице, должен был быстро и беспрекословно решать любые проблемы, просьбы и мольбы верующих, то бишь курсантов, которые учились на 3 и 4 курсах.

Мне это почему-то здорово напомнило религию и православную церковь. Толпы молящихся старшекурсников чего-то хотят, а ты, как первокурсник, а заодно и Бог по совместительству, все желание исполняешь.

Если не хочешь быть Богом, тебя бьют. Сильно. Временами ногами. Чаще от двух и более человек одновременно. Бьют до тех пор, пока ты не соизволишь приступить к обязанностям Бога, и не сделаешь то, о чем тебя просят.

Сами просьбы чаще всего бывают в форме приказов. Чтобы у тебя, как у временно исполняющего обязанности Бога, не было поводов увильнуть от исполнения просьбы.

И никого не волнует, что ты устал, хочешь, есть, пить или спать, на то ты Бог, то бишь первокурсник, чтобы все беспрекословно исполнять.

Не хочешь быть Богом, читатель? Значит, иди и пиши рапорт об увольнении из училища.

Думается мне, наша церковь просто неправильно ведет себя в отношении Бога. Ей бы поучиться у старшекурсников КМУ, глядишь, и Бог был бы заметнее сговорчивее, и шустрее выполнял бы все просьбы.

Не хочешь быть Богом, Иешуа? Значит, иди и пиши рапорт об увольнении.

У старшекурсников, как у любых нормальных людей было множество просьб и пожеланий к Богу. Кто-то хотел курить, и кому-то из первокурсников необходимо было идти на улицу и у прохожих стрелять сигареты (в то время коммерческих киосков не было и магазины работали максимум до восьми вечера). Временами у кого-то из старшекурсников была грязная одежда, которую мы должны были стирать за них.

Кому-то нужно было отнести любимой девушке письмо, и так, чтобы она непременно дала ответ сразу же. А как же? Мобильных телефонов и инета тогда не было и в помине. Эти функции в мореходки исполняли первокурсники. Хотя самовольный выход в город без приказа об увольнении назывался самовольной отлучкой, и это каралось строго начальствующим составом, вплоть до увольнения. Все это знали. Но никого не останавливало. Не было ж мобильных и инета!

Было куча всегда разных просьб и пожеланий у старших курсов. И был под рукой всегда первокурсник, которого можно послать, куда ни попадя с самым изощренным поручением. И Бог, он же первокурсник по совместительству все эти просьбы старших курсов должен был выполнять. Если не был согласен выполнять, то первокурсника били, пока он не согласится. Плохо выполнил просьбу, первокурсника опять били.

М-да, церкви ей богу есть чему поучиться, как строить свои отношения с Создателем.

На языке КМУ выполнение всех этих бесконечных просьб старших курсов называлось – «запахать», то есть заставить работать на себя первокурсников, как рабов. Нам популярно объяснили, что «запахивать» первый курс имеют право в училище те, кто учится на третьем или четвертом курсе. Это добрые традиции мореходки, не мы их устанавливали, не нам их и менять.

Курсант первого курса – самое бессловесное существо, которое существует для того, чтобы работать на старшекурсников, чтобы тем полегче жилось. Как живется первому курсу – никого не волновало. Мы работали день и ночь как волы, свободной минуты не было вообще. Когда начались занятия, мы вздохнули немного свободнее, – по крайней мере, до обеда нас никто не трогал, пока мы были на занятиях.

На следующий день старшина Василенко выбрал из нашей группы человек десять курсантов, тех, что поздоровее по его мнению и повел нас в город. Наш поход был коротким, – минут через пять мы достигли цели нашего путешествия. Мы пришли к забору судоремонтного предприятия, которое располагалось рядом с училищем.

По приказу старшины мы перелезли через забор завода. Затем он приказал курсанту нашей группы Андрющенко влезть как самому маленькому из нас в открытую форточку, найти там старые, использованные шлифовальные круги и передавать нам их через форточку.

Андрющенко был самым маленьким в нашей группе. Да и вообще во всей роте. Однако он неожиданно для всех сказал:

– Я не полезу воровать. Я никогда и ничего не воровал и не собираюсь этого делать.

«Вээс», похоже, искренне удивился:

– Кто сказал – «воровать»? Насколько я помню, – я сказал: – «взять то, что нам нужно».

Чувствуешь разницу?

– Нет. Не чувствую. Всё равно это – воровство.

– Послушай меня, мальчик. – Сказал «Вээс» угрожающе, беря Андрющенко одной рукой за шиворот, поднося кулак к носу Андрющенко. – Ворует не тот, кто берет, а тот, кто попадает, понял? Не умеешь воровать, – научим. Не умеешь, – заставим! Понял?

Кулак «Вээса» был больше головы первокурсника, поэтому он сказал, делая попытку освободиться:

– Да понял я, понял. Отпусти меня. Я сделаю то, что ты хочешь.

Он пролез в форточку, и через некоторое время стал подавать нам шлифовальные круги.

Мы их взяли столько, сколь в силах были унести, и пошли в училище.

Впоследствии мы использовали эти шлифовальные круги для чистки гальюна.

Каждый день в мореходке для нас начинался всегда одинаково: в семь подъем, зарядка, большой утренний сбор, где проверяли все ли на месте или кто-то сбежал, а также утром проводился личный осмотр внешнего вида курсантов. Каждое утро было похоже одно на другое.

Должно быть, видок в то время у нас был потрясный: попробуйте спать по два-три часа в сутки неделю, другую. И месяца через два посмотрите на себя в зеркало, – что вы увидите?

Конечно, себя, любимого, но ваш внешний вид вам может не совсем понравится. А теперь представьте, что все это время вы работаете как пчелка, не останавливаясь, и единственная ваша мечта – это забиться куда-нибудь, чтобы вас не трогали и где бы вы могли спокойно просто посидеть и НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ.

Романтические мечты о море и о дальних плаваниях сменились в наших головах мечтами о хотя бы кратковременном, но отдыхе.

Жизнь всегда вносит в наши мечты свои коррективы, и если еще вчера ты мечтал о личной яхте, отдельном двухэтажном особнячке на берегу лазурного моря и недорогом «Ролс-ройсе», то судьба может так повернуться для тебя, что ты будешь мечтать о куске хлеба и миске дешевой похлебки. «Каждому – свое» – было написано на воротах концлагеря в Освенциме.

Жизнь бывает порой скучна и проста для одних и ярка и насыщена событиями для других. И эти глупцы еще позволяют себе роскошь завидовать друг другу. Судьба играет людьми, как маленькими солдатиками играет несмышленный малыш. И люди чаще всего ничего не могут с этим поделать, как только лишь сказать: " Я горжусь тем, что я здесь родился и здесь живу. А жизнь... Что жизнь? Работа – дом, работа – могила...»

Взаимоотношения в нашей группе не были дружными. Вся наша группа М-12 разбилась на несколько мелких группировок, которые жили изолированной друг от друга жизнью, практически не общаясь друг с другом. Астраханцев было в группе несколько человек, к ним примкнули еще несколько человек, которые были дружны, – это была самая многочисленная группировка, с которой в группе считались. Но уровень их знаний был невелик, поэтому они не стали доминирующей силой.

Вторую группировку образовали выходцы с Кавказа и Средней Азии. Те вообще редко с кем общались и жили своей замкнутой изолированной группкой.

Третью группу образовали все оставшиеся. Так уж получилось, что в нее вошел и я. Мальчиком я рос замкнутым и необщительным. Наладить какой-то контакт с нужными людьми не хотел, да и не умел. Эта группа курсантов была своего рода изгоями, поскольку была, во-первых недружной, а во вторых самой слабой.

Васька Лапин, хотя и был астраханцем, но особым уважением не пользовался, оказался тоже с нами. Петя Андрющенко – метр с кепкой, Лапин и Клёпов роста были около метра шестьдесят, но все трое были тогда такого телосложения, что соплей всех троих за раз можно было перешибить. Помимо них в этой группке оказался мой друг Стас Меньшов, да еще Юрка Дубовской с Майкопа.

Нет, мы не отличались практически ничем от остальных, но так уж получилось, что круг общения стал ограничен. И мы вынуждены были общаться между собой внутри нашей маленькой группировки. Как ни странно все из нас хорошо учились и все остальные просто списывали у нас, тогда, когда сами чего-то не знали. А знали они, собственно говоря, мало что.

Самое парадоксальное, это то, что прав оказался Жемчугов. В мореходке главным оказался не уровень знаний, а умение выдержать унижения и дойти до цели.

Мы всегда подсказывали на занятиях тем, кто чего-то не знал. Поэтому все мы сидели на первых партах. Контрольные работы все мы решали за всю остальную группу, а потом давали группе списать.

Астраханцев и кавказцы же в благодарность за это старались всячески унижать нас, и, унижая нас, возвышались сами в своих глазах. Это было достаточно подло. Но таков закон толпы, живущей вместе в тюрьме, армии или мореходке. Слабых – задавить, чтобы не задавили тебя самого.

Прошло время, у меня не было тогда, и нет сейчас никакой обиды на сокурсников. Просто жизнь в том социуме нашей группы была именно такой.

Особо не наезжали на нас со Стасом – всё-таки мы были поздравнее и могли за себя постоять. Но мелкие всякие подлости всё равно всякие делали.

Как-то раз я схлестнулся с парнем, кличка которого была «медведь». Он и на самом деле чем-то напоминал медведя. Был такой же большой и сильный.

Слово за слово и мы уже стояли с ним один напротив другого в кругу наших одногруппников, готовые драться. Медведь себя вел нагло и был уверен в своей победе.

Все, видимо, ждали, что он разделает меня «под орех». Все, кроме меня. До мореходки я занимался дзюдо и был уверен в себе. Нам освободили достаточно места для мордобоя и ждали чем всё кончится. Кончилось же всё быстрее, чем начиналось – я схватил «медведя» в свой излюбленный захват и образцово провел бросок через бедро с последующим удержанием и болевым приемом на правую руку.

Никто ничего не понял. «Медведь», похоже, тоже не мог понять, как он оказался на полу, придавленный мной. Сначала он попытался вырваться, но чем больше он дергался, тем сильнее становилась боль в его руке, поэтому, осознав, что он проиграл он прохрипел:

– Отпусти сейчас же, иначе я убью тебя.

– Что ты сказал, мразь? – Возмутился я. – Проси прощения, сука, или я задушу тебя.

Я не шутил. Ломать ему руку я передумал и решил его просто придушить. Поэтому я поменял захват, находясь «в партере», и стал душить его отворотом фланки. Мне было всё равно, что будет с ним. Во мне проснулся бойцовский дух, и я знал, что я не остановлюсь, если он не извинится.

«Медведь» сначала пробовал еще дергаться, потом стал задыхаться и краснеть. Воздуха ему всё больше и больше не хватало.

– Прости меня. – Наконец прошептал он.

– Громче, пидор. Громче говори, сука, чтобы все слышали! – Произнес я, желая добить и унижить своего обидчика.

Я еще сильнее усилил захват удушения так, что лицо «Медведя» побелело, и он произнес так громко, как только смог:

– Прости меня, пожалуйста, я больше не буду. Только тогда я отпустил его, встал, и пошел в умывальник приводить себя в порядок. Больше ко мне в открытую никто из одноклассников не приставал.

Глава седьмая

Так текла наша жизнь изо дня в день. Дни тянулись бесконечной чередой похожие один на другой как братья-близнецы. Утром мы учились. Днем пахали на старшекурсников. Наступал вечер, мы шли в учебный корпус на самоподготовку, где мы по идее должны были готовиться к занятиям, но я не помню ни одного случая, чтобы мы просидели больше десяти минут, готовясь к урокам, если около нас не было преподавателя, дежурного офицера или нашего классного «папы».

Как только мы оставались одни как нас сразу же находили и уводили в «рабство» и мы должны были работать, пока не закончится самоподготовка, потом мы шли к себе в роту, там проходил «Большой сбор», где нас опять проверяли. После ужина и самоподготовки нам командовали отбой, и мы ложились спать, надеясь хоть одну ночь полностью проспять от отбоя до подъема. Когда такое происходило, что, впрочем, было крайне рано, мы были просто счастливы.

Люди, не бывшие никогда в условиях личной несвободы, в условиях физического и морального рабства, не ценят, как правило, свободы и не умеют ей, сладкой, пользоваться. А человеку несвободному очень просто быть счастливым – дай ему одну только возможность уйти от реального мира, в котором он несчастлив, в мир своих снов и иллюзий, чтобы хотя бы там, в своих снах и мечтах он мог стать свободным и реализовать потенциал, заложенный в нем с рождения.

Но, увы, увы, люди, вырвавшиеся из какого угодно рабства, на свободу забывают все свои мечты, стараясь не упустить того, что уже есть, и становятся похожими на большинство других обывателей, единственная цель существования которых является не самовыражение себя, а простое, животное существование. Нет, они, конечно, временами задумываются о душе, – когда сильно начинают болеть, и стоят на пороге смерти одной ногой в могиле. И понимают тогда, что по большому счету жизнь прожита зря. Но сделать тогда уже ничего не могут.

А людская совесть за годы морального рабства и несвободы от внешних обстоятельств и условностей общества уже привыкла находить компромисс там, где его нет и в помине.

И знаете что самое интересное она, эта самая совесть, всегда находит компромисс и человек живет дальше с этой уродливой, гипертрофированной совестью, воспринимая окружающий мир сквозь искривленную призму собственной атрофированной совести. А про тех молодых людей, которые еще не успели потерять совесть, издеваясь в душе, говорят: это – юношеский максимализм. И сами же его потом стараются уничтожить, умерщвляя совесть бесконечной чередой лживых, гнусных поступков.

Попав на учебу в мореходку, мы неожиданно для самих себя попали в гигантскую мясорубку, где в нас уничтожали, прежде всего, нашу совесть и нашу душу. Это было страшнее всего. Не столь унижительно было что-то делать вообще. Унижительно это было делать за кого-то, зная, что этот человек сознательно унижает тебя, превращая тебя в своего раба на некоторое время. Со временем нас стали не просто заставлять работать на себя, а избивать, добиваясь полного подчинения. И все чаще и чаще у наших мучителей стала проявляться странная фантазия, которая была продиктована либо ленью, либо садизмом.

Как-то однажды промозглым октябрьским вечером, когда на улице уже было темно во всем училище, да и, похоже, во всем районе города отключили свет. Все мы радовались как дети, потому что могли более или менее спокойно отдохнуть, не заботясь о том, что нас кто-то что-нибудь заставит делать. Но мы ошибались...

Неожиданно меня в коридоре роты остановил один парень с третьего курса. Как-то сразу внутри у меня все похолодело. Не сказать, что я чего-то опасался, но просто надеялся просто полежать и расслабиться, а тут тебя хватают неожиданно за воротник, и спрашивают:

– Ты с какой группы, салага?

– С М-12 – отвечал я, надеясь в душе, что, может, еще пронесет, и меня с миром отпустят. Какой дурак, что-то будет делать в темноте, когда ничего не видно?

– Очень хорошо, – услышал довольный голос старшекурсника, который радовался как ребенок чему-то своему. – Этот парень с твоей группы. Как его фамилия? Говори! Если он наврал или ты, то морду я набью обоим, а вы потом сами между собой разберетесь, кто виноват.

– Говори, Вовка, не бойся, – подал голос Стас Меньшов, который стоял рядом с курсантом-третьекурсником.

– Зовут его Стас, а фамилия Меньшов. – Сказал я, – Я могу идти?

– Да, сейчас пойдешь со Стасом в магазин.

Говоривший протянул руку, и я услышал, как звякнула мелочь в руке у Стаса.

– Здесь три рубля. Купишь мне торт бисквитный-пребисквитный. – услышали мы «задание» – Понял? Повтори.

– Купить торт бисквитный-пребисквитный. – уныло отрапортовал Стас.

– Молодец! Смешливый! – похвалил нас потенциальный сладкоежка. – Сдачу можешь оставить себе. Принесешь торт в кубрик группы В-41, найдешь меня. Понял?

– Понял, – ответил Стас – только, боюсь, – магазины уже закрыты.

– Ну, это, извини, брат, твои проблемы. Если к девяти вечера тебя с тортом не будет, – убью. – Услышали мы. Будущий штурман повернулся ко мне и сказал:

– Это касается и тебя тоже. Твоя задача – следить за тем, чтобы он, во-первых купил мне торт, а во-вторых проследить за тем, чтобы этот толстый боров не стрескал мой торт. Понял?

– Понял, – ответил я.

Как будто у меня был какой-то выбор. Если человек отказывался делать то, что его заставляли делать, его били. Причем, одного, как правило, било несколько человек. Били до тех пор, пока он мог стоять на ногах. Когда он падал, его нежно так по-отечески спрашивали:

– Ну что будешь делать, что тебе говорят или будешь дальше ломаться как целка?

Если человек соглашался выполнить ту работу, которую его заставляли делать, его больше не били, а отправляли «пахать». Если же он упорствовал дальше, его продолжали бить до тех пор, пока он не терял сознание, а потом начиналось все сначала.

Все мы прошли через это. Маленьких ростом и хилых ребят били меньше, тех, кто был повыше ростом, и покрепче физически били сильнее и жестче. По лицу старались не бить, чтобы не было синяков, но это не значит, что по лицу не били вообще.

Например, я за один первый курс пять раз посетил травм пункт с переломанным носом и еще три раза лежал в больнице с сотрясениями головного мозга. Что касалось остальных, то никто статистики, конечно же, не вел, а насчет травм нами придумывались для оправдания перед начальством различные истории типа той, что я рассказал, когда у меня первый раз сломали нос и набили синяки на оба глаза: «Шел по трапу, поскользнулся, упал, очнулся со сломанным носом».

Да, трап – это лестница в учебном корпусе или в общежитии.

Командир роты спросил меня тогда:

– Синяки тоже на трапе глазами набил?

– Так точно. – Достаточно браво ответил я, хотя все лицо болело, а дышать носом я не мог.

Итак, выбора у нас со Стасом не было, поэтому мы одели бушлаты, фуражки, почистили ботинки и пошли в город в магазин покупать торт.

Вообще-то по уставу было запрещено покидать территорию училища самовольно. Если курсант допускал две самоволки в течение полугода, он отчислялся из училища. Но в уставе ничего не было сказано, как поступать в случае, когда тебя заставляют самовольно, без разрешения командования, идти в магазин, а в случае твоего отказа убить тебя. Или в лучшем случае просто сильно побить.

Мы как два сообразительных курсанта все-таки, несмотря на устав, решили идти в самоволку за тортом, надеясь, что мы не попадемся в руки командования.

Наше училище с трех сторон было обнесено трехметровым забором, с четвертой стороны текла река Волга, но любой уважающий себя курсант знал, где забор неплотно прилегает к стене и где есть дырка в заборе, про которую не знало начальство. Курсанты старшекурсники без проблем ходили через КПП, когда там стояли дневальными курсанты с их рот, и не было рядом никого из командования. Первый курс был самым бесправным, в городе мы бывали крайне редко и предпочитали пользоваться дырками в заборах.

Когда мы пролезли со Стасом через дырку в заборе, и оказались в освещенной части города, было около шести часов вечера. Был октябрь месяц и в Астрахани в это время года вечером темнеет очень быстро.

Когда Стас вытащил мелочь, которую ему дали, и пересчитал ее, он мне сказал потрясенный:

– За все время, что я в училище я впервые думал, что мне попался приличный человек, который не будет надо мной издеваться, но, боже, как я ошибся.

– Что случилось? – Настороженно спросил я у него.

– Да ничего особенного, просто этот козел дал мне двадцать три копейки, а не три рубля как сказал.

– Что же ты сразу не посчитал деньги в училище? – спросил я у Стаса.

– Ну, во-первых, темно было, а во-вторых, я и подумать не мог, что тут так мало денег – сказал мой друг Меньшов, копаясь в карманах, доставая мелочь и считая ее.

– Слушай, пойдем в училище, найдем этого ублюдка, и скажем, что он ошибся и дал мало денег. – Высказал я здравую, как мне казалось, мысль.

– Пойти-то мы можем, – согласился Стас – только этот козел, что дал мне деньги, скажет, что дал мне три рубля и набьет нам морды за то, что не принесли ему торт, а в день стипендии отберет у нас три рубля. Слушай, Вовка, займи мне рубль, я со стипендии отдам. У меня тут где-то есть рубль мелочью с копейками. Торт стоит два рубля двадцать копеек нам рубля всего-то не хватает.

Я ошалело посмотрел на Меньшова и сказал ему:

– Ты еще богато живешь, у меня денег вообще нет ни копейки.

И для пущей убедительности я вывернул карманы.

– Смотри, кто идет! Это ж Валерка Галецкий с нашей группы – обрадовался я, возвращая карманы в штаны. Давай у него постараемся занять в долг.

Галецкий был сам с Астраханской области и шел вперед ничего, не видя вокруг, по его лицу с заостренными скулами текли слезы, которых он не замечал. Во всем его облике было что-то лисье: хитрая острая мордочка, хитрые узкие лисьи глаза, даже в манере себя вести, говорить, что-то делать было какое-то скрытое лукавство. Было явно видно, что его недавно хорошо побили: один глаз совсем заплыл и ничего не видел, лицо было разбито в кровь, и из носа еще сочилась свежая кровь, которую он то и дело вытирал рукавом бушлата. Платков у нас никогда не было. Уставом ВС СССР платки предусмотрены не были.

– Привет! – поздоровался с ним Стас. – Ты не сможешь, Валер, занять мне рубль до стипендии?

Единственный живой глаз Валерки сверкнул отчаянием и болью.

– Нет, – сказал он, – не могу. Меня сейчас в роте отловили, избili так, что ходить и дышать больно, потом в руку всучили бумажные деньги с завернутой в них мелочью и сказали:

«– Вот тебе одиннадцать рублей, купишь и принесешь литр водки.» Я оделся, умылся, в туалете зажег спички, оказалось, что мне дали всего тридцать копеек, а бумажные деньги оказались газетой. Пришлось бегать по училищу занимать деньги. А все стипендию еще не полу-

чали и деньги заработанные в колхозе нам еще не прислали, денег ни у кого нет. Хорошо, что хоть есть знакомые земляки с моего города, они дали мне денег в долг. А вы что тут около магазина делаете? – спросил он нас.

– Да то же, что и ты, – ответил ему Стас, – только нам дали меньше денег, чем тебе и приказали купить торт бисквитный-пребисквитный, а нам на него денег не хватает.

– Вам еще повезло, легко отделались, – позавидовал нам Гелецкий, – а мне два зуба выбили, и видишь, как разукрасили?

Он показал на свое лицо.

– Ладно, Стас, я помогу тебе, но и ты меня как-нибудь потом выручишь, – решил помочь нам Гелецкий. – В роте ни у кого из наших денег нет или не дают, но я знаю одного парня со второго курса – он твой земляк из Пензы. У него деньги должны быть. Сходи к нему, познакомься с ним, расскажи, в чем дело, может быть он и даст тебе в долг.

Делать было нечего, – мы вернулись в училище. Света еще не было. Я подождал Стаса на улице, он ходил в училище, занял у кого-то рубль. Мы купили торт и, проболтавшись до девяти часов вечера, пришли и отдали торт. Встретили нас бурей восторга, что, впрочем, не помешало им отдать нам приказ явиться к ним в кубрик после вечерней проверки для того, чтобы мы еще «чуть-чуть поработали».

Когда мы снова пришли в кубрик Стасу поручили подмести и вымыть кубрик, мне же дали восемь тельняшек и приказали их постирать. В училище в те годы горячей воды не было никогда, стирать приходилось в холодной. Часа через два я управился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.